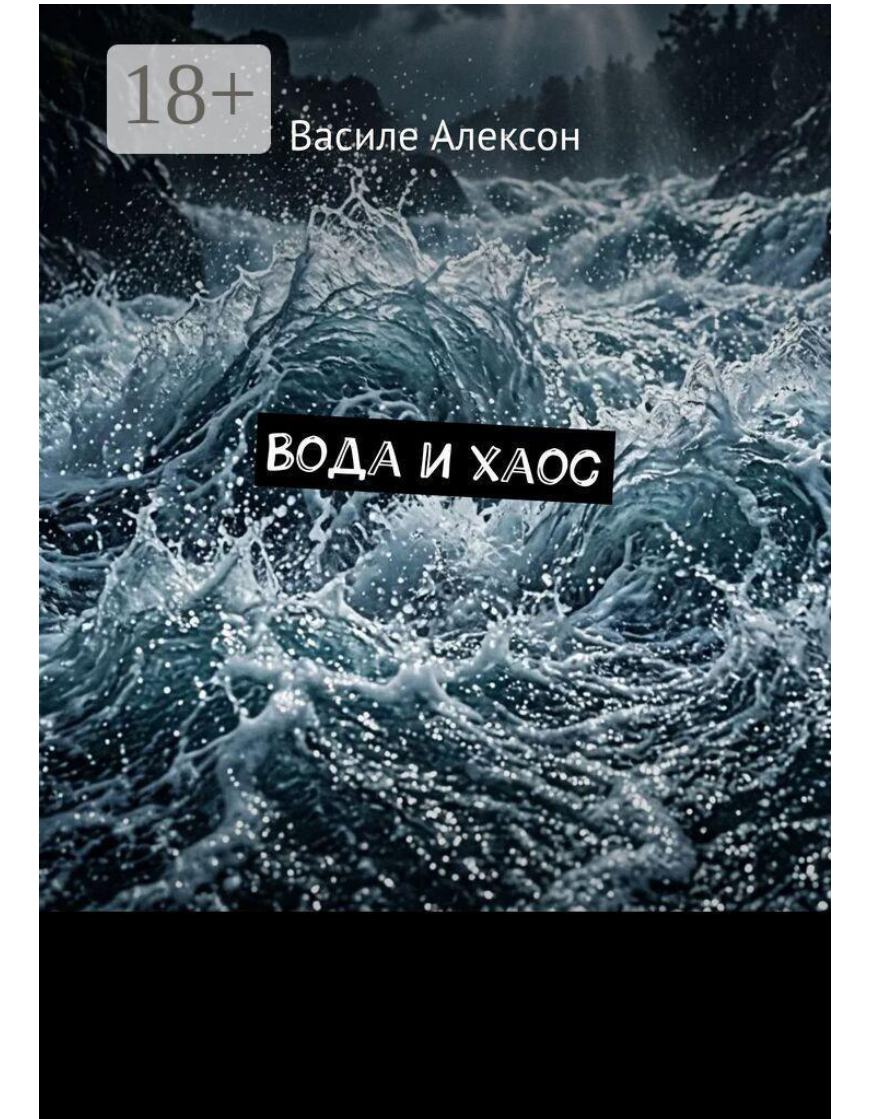

18+

Василе Алексон

ВОДА И ХАОС

Василе Алексон

Вода и хаос

<https://litres.ru/74544359>

ISBN 9785007136587

Аннотация

Магия вне закона, за головы магов — щедрая награда. Лучший охотник за головами в мире идёт по их следу — и никто не знает что он сам величайший маг. Пряча силу за холодным взглядом, он каждую охоту превращает в игру со смертью. Он одновременно и охотник, и добыча — и скоро ему придётся выбрать: служить системе или бросить ей вызов.

Содержание

1 глава	5
2 глава	31
3 глава	70
4 глава	103
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Вода и хаос

Василе Алексон

© Василе Алексон, 2026

ISBN 978-5-0071-3658-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Тусклый свет масляных фонарей едва пробивался сквозь густой туман, стелющийся по улицам Старого Квартала. Здесь не пахло дождём — здесь пахло кровью и пеплом. Над городом висела тишина, тяжёлая, как свинцовый плащ, и в этой тишине каждый скрип сапога звучал как приговор.

Магия была объявлена вне закона. Сенат подписал указ на пергаменте, пропитанном воском и страхом, а площадь перед Ратушей ещё неделю хранила запах горелой плоти — тех, кто попытался спорить. Теперь за каждую искру, сорвавшуюся с пальцев, платили головой. А за голову мага давали столько золота, что хватило бы купить целый квартал... и сжечь его дотла.

Кристофер шёл по брусчатке, и его тень, казалось, была длиннее, чем положено. Он не прятался. Зачем прятаться тому, кто сам — охота? Плащ его был потрёпан, но не от времени — от битв: на ткани темнели выжженные узоры, следы чужих заклинаний, которые не успели его достать. В петле у пояса висел серебряный медальон — не украшение, а ловушка. Внутри него пульсировала тьма, способная поглотить чужую магию, как пустыня поглощает капли дождя.

Он был лучшим охотником за головами в мире. И это была самая жестокая из всех его лжи.

Потому что Кристофер был величайшим волшебником,

которого когда-либо знал этот проклятый мир.

Его сила не пылала, как костёр — она текла, как подземная река, чёрная и холодная, пробивающая себе путь сквозь камень. Он не творил чудес. Он творил расплату.

Сегодня его целью был маг по имени Элиас — бывший советник короля, ныне беглец с наградой в пять тысяч золотых. Говорили, что он умеет шептать с мёртвыми. Кристоферу было плевать, с кем тот шепчет. Ему нужно было тело. И голова. Отдельно.

Следы Элиаса вели в катакомбы под городом — туда, где камень был покрыт рунами, выцарапанными ногтями, и где воздух был густым, как смола. Кристофер спустился по гнилым ступеням, не зажигая фонаря. Ему не нужен был свет. Он чувствовал магию, как хищник чувствует тепло крови.

Внизу пахло сыростью и отчаянием. Где-то капала вода, и каждый удар капли отдавался в висках, как отсчёт последних секунд чьей-то жизни. В темноте мелькнули тени — не призраки, а крысы, слишком крупные, чтобы быть просто крысами. Их глаза светились неестественно ярко, и Кристофер знал: это не природа, это заклинание. Элиас пытался защититься, как мог.

— Выходи, — голос Кристофера прозвучал глухо, будто из-под земли. — Или я заставлю тебя выйти.

Тишина ответила ему смешком — тонким, визгливым, похожим на скрип ржавой петли. Из темноты выступила фигура: худая, сгорбленная, в лохмотьях, которые когда-то бы-

ли мантией придворного мага. Элиас. В его глазах плескался безумие и страх — коктейль, который всегда плохо заканчивался.

На полу рядом с ним лежало тело мальчишки лет двенадцати — в простой холщовой рубаше, с посиневшими пальцами, скрюченными, будто он до последнего цеплялся за жизнь. Кровь уже не текла — она засохла тёмными кляксами, впитавшимися в камень. Элиас, видимо, пытался использовать кровь для заклинания, но магия не послушалась. Или послушалась слишком поздно.

— Ты... — прошептал Элиас, глядя на Кристофера так, будто увидел демона. — Ты ведь тоже... ты тоже колдун!

Кристофер не ответил. Он просто поднял руку.

И мир на мгновение замер.

Воздух сгустился, стал вязким, как мёд, пропитанный ядом. Руны на стенах вспыхнули багровым светом, а затем погасли, словно задушенные невидимой рукой. Элиас попытался бросить заклинание — что-то древнее, шипящее, полное боли. Но магия ударилась о невидимую стену и рассыпалась искрами, которые тут же погасли, не успев обжечь.

— Не трать силы, — холодно бросил Кристофер. — Ты знаешь, кто я. Ты знаешь, что у тебя нет шансов.

Элиас отступил, споткнулся о собственный плащ и упал на колени. Его губы шевелились, но слова тонули в тишине.

— Пожалуйста... — наконец выдавил он. — Я никому не причинил вреда. Я просто хотел...

— Спасти кого-то? — Кристофер сделал шаг вперёд, и его тень накрыла Элиаса, как саван. — Все они так говорят. «Я просто хотел спасти». А потом города горят, а люди кричат.

Он наклонился, схватил Элиаса за воротник и рывком поднял на ноги. Маг дрожал, его пальцы судорожно сжимались, пытаясь нащупать хоть каплю силы, хоть искру надежды. Но вокруг Кристофера магия умирала, не успевая родиться.

— Ты знаешь правила, — тихо сказал Кристофер, и в его голосе не было ни жалости, ни гнева — только ледяная усталость. — Закон есть закон.

Элиас закрыл глаза, будто пытаясь спрятаться от неизбежного.

А где-то в глубине катакомб что-то шевельнулось — что-то, что не должно было шевелиться. Что-то старое, голодное, пробуждённое чужой магией. Но Кристофер не обернулся. Он знал: если обернётся — значит, он уже не охотник. А он всегда был охотником. Даже когда охотился на самого себя.

Клинок вышел из ножен с тихим, почти интимным звуком — будто сталь вздохнула.

И в этот момент тьма в катакомбах стала ещё гуще.

Из дальнего прохода медленно выползла тварь — не человек и не зверь, а нечто, сшитое из кусков тел и скреплённое магией. Швы на её коже сочились зеленоватой жижей, а глаза горели тусклым, неживым огнём. Это был один из «экспериментов» Элиаса — существо, рождённое из отчаяния и

запретных ритуалов. Оно двигалось неуклюже, но с пугающей целеустремлённостью, волоча за собой обрывки цепей, покрытых засохшей кровью.

— Прости... — прошептал Элиас, и в этом слове не было мольбы, только горькое признание. — Я пытался... я пытался удержать это...

Кристофер даже не моргнул. Он знал, что твари не подчиняются магам. Они подчиняются только голоду.

Тварь рванулась вперёд. Кристофер оттолкнул Элиаса в сторону — не из милосердия, а чтобы не мешал — и встретил удар на клинке. Сталь встретила плоть с влажным хрустом. Тварь взвыла, звук резанул по ушам, как скрежет металла по стеклу. Кристофер ударил снова, и на этот раз лезвие вошло глубоко, разрывая сшитые ткани, выпуская наружу едкую жижу, от которой воздух стал ещё тяжелее.

Когда тварь рухнула, Кристофер вытер клинок о плащ и снова повернулся к Элиасу. Маг сидел на полу, прижав колени к груди, и смотрел на охотника так, будто видел перед собой не человека, а саму смерть.

— Ты понимаешь, что это конец? — спросил Кристофер, голос его звучал почти буднично, словно он обсуждал цену на хлеб. — Не только для тебя. Для всех, кто думает, что магия — это спасение.

Элиас открыл рот, будто хотел что-то сказать, но вместо слов из горла вырвался только хрип. Его пальцы судорожно царапали камень, оставляя на нём тонкие кровавые полосы.

Кристофер шагнул ближе. Его тень накрыла мага целиком, отрезая даже тот скудный свет, что ещё оставался в этом проклятом месте.

Где-то далеко наверху, в городе, часы пробили полночь. И в этот миг катакомбы окончательно погрузились во тьму.

Тьма в катакомбах не просто сгустилась — она обрела вес, давила на грудь, выдавливая из лёгких последний воздух. Даже крысы, прежде шнырявшие между камней, теперь жались к стенам, их светящиеся глаза потускнели от первобытного ужаса. Здесь, в глубине земли, закон Сената казался жалкой бумажкой, а награда за голову — смешной мелочью. Но Кристофер не дрогнул. Для него эта тьма была родной.

Он не сводил глаз с Элиаса. Тот по-прежнему сидел, прижавшись спиной к холодному камню, и его дыхание становилось всё прерывистее, будто сам воздух отказывался входить в его лёгкие. На пальцах мага темнели чёрные прожилки — след запретных ритуалов, которые разъедали тело изнутри, как кислота. Элиас пытался обмануть смерть, а смерть в ответ смеялась над ним.

Кристофер усмехнулся — сухо, без капли веселья.

— Знаешь, что забавно? — голос его звучал ровно, почти скучающе, будто он рассуждал о погоде. — Когда Сенат объявлял магию вне закона, они думали, что спасают мир. А на деле просто расчищали место для чего-то похуже. Для таких вот тварей, которых ты пытался держать на поводке. И для таких, как я, кому плевать, кто прав, а кто виноват.

Элиас дёрнулся, будто от удара, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на ярость — последняя вспышка гордости перед полным угасанием.

— Ты такой же, как они! — прохрипел он, и голос его сорвался на кашель, влажный и тяжёлый. — Ты просто продался им за золото и славу! Ты ведь сам колдун! Ты не имеешь права...

— Права? — Кристофер наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то далёкому. — Права кончились там, наверху. Когда я впервые принёс им голову. С тех пор у меня есть только обязанности. И привычка не задавать лишних вопросов.

Он сделал ещё шаг вперёд, и клинок в его руке на мгновение вспыхнул тусклым багровым светом — не от огня, а от впитанной чужой магии, от тысяч погашенных заклинаний, осевших на стали, как ржавчина.

Где-то в глубине катакомб снова что-то шевельнулось. На этот раз звук был другим — не скрежет когтей, а влажный, тягучий хруст, будто кто-то разжимал сросшиеся кости. Тварей было больше. Элиас не просто создал одну — он выпустил целую стаю, надеясь, что они станут его щитом. Но твари не знали, что такое щит. Они знали только голод.

Из темноты вынырнула ещё одна фигура — на этот раз не сшитая из кусков, а словно слепленная из теней и боли. Она двигалась странно, дёргано, будто её суставы были прикручены не туда. Глаза у неё отсутствовали, но она всё рав-

но смотрела — прямо на Кристофера, будто чувствовала его силу, как зверь чувствует тепло.

— Видишь? — Кристофер кивнул в сторону твари, не оборачиваясь. — Даже они понимают, кто здесь хозяин. А ты всё ещё надеешься на слова.

Элиас вцепился пальцами в камень, оставляя на нём глубокие царапины. Его губы шевелились, но вместо заклинания с них срывались только бессвязные мольбы, перемешанные с проклятиями. Он пытался собрать хоть каплю силы, но медальон на поясе Кристофера тянул магию из воздуха, как губка тянет воду, оставляя вокруг него мёртвую зону, где даже сама мысль о колдовстве рассыпалась в прах.

Тварь рванулась вперёд. Кристофер встретил её клинком, но на этот раз не стал тратить силы на изящество. Удар вышел грубым, тяжёлым, почти небрежным — как удар мясника. Сталь вошла в плоть, и тварь издала звук, похожий на стон сломанной двери. Она рухнула, но не замерла: её конечности продолжали дёргаться, царапая камень, будто даже мёртвая она не могла остановиться.

Кристофер вытер клинок о рукав, не глядя на кровь.

— Это всё, что ты можешь? — он снова повернулся к Элиасу, и в его голосе не было ни торжества, ни гнева — только усталость человека, который слишком часто видел одно и то же. — Я думал, бывший советник короля способен на большее. А ты просто прятался в темноте и лепил монстров из страха.

Элиас поднял на него глаза, и в них наконец не осталось ни надежды, ни ярости — только горькое понимание.

Элиас рванулся в сторону — не к выходу, а глубже в лабиринт, туда, где тьма казалась чуть менее враждебной. Его пальцы скользнули по шершавому камню, будто он надеялся найти в нём опору, но вместо этого лишь содрал кожу до крови. Он хрипло выдохнул, и этот звук потонул в гулком рёве, который вдруг прокатился по катакомбам — будто сама земля застонала от боли.

Кристофер даже не шевельнулся, чтобы броситься следом. Он просто шагнул вперёд — спокойно, размеренно, как человек, который знает: бежать некуда. И когда Элиас споткнулся о собственный плащ и рухнул на колени, Кристофер оказался рядом раньше, чем тот успел снова подняться.

— Я не пойду с тобой! — выкрикнул Элиас, и в этом крике не осталось ни достоинства, ни гордости — только голая паника. — Я лучше умру здесь!

— Ты и так умрёшь, — спокойно ответил Кристофер, наклоняясь и хватая мага за плечо. Хватка была железной, безжалостной, такой, что Элиас невольно скривился от боли. — Разница лишь в том, как именно это случится. И кто за это заплатит.

Он рывком поставил Элиаса на ноги, и тот пошатнулся, едва удерживая равновесие. В глазах мага мелькнуло что-то похожее на ненависть, но она тут же угасла, столкнувшись с ледяной невозмутимостью Кристофера.

— Отпусти... — прошептал Элиас, но голос его звучал уже не как приказ, а как слабая просьба, которую никто не собирался слышать.

— Не трать дыхание на слова, — отрезал Кристофер. — Оно тебе ещё пригодится, чтобы не задохнуться.

Тени вокруг них шевелились, словно живые, вытягиваясь и скручиваясь в уродливые силуэты. Из темноты вынырнули ещё две твари — на этот раз похожие на искажённые версии людей: у одной вместо лица была сплошная гладкая маска, будто кожа натянули слишком туго; у другой руки заканчивались длинными, изогнутыми когтями, которые скребли по камню с мерзким звуком, от которого сводило зубы.

Первая рванулась к Кристоферу, вторая — к Элиасу. Кристофер среагировал мгновенно: его клинок описал дугу, и тварь с маской рухнула, не издав ни звука. Вторая, заметив, что добыча ускользает, метнулась к магу. Элиас зажмурился, инстинктивно вскинув руки, будто это могло его защитить.

Но Кристофер не дал ей добраться до него. Он толкнул Элиаса в сторону — грубо, без всякой заботы о том, ударится ли тот о стену, — и встретил тварь новым ударом. Сталь вошла в плоть, и на этот раз звук был особенно отвратительным: влажный, чавкающий, будто мир протестовал против того, что здесь происходило.

Когда тварь рухнула, Кристофер даже не посмотрел на неё. Он схватил Элиаса за воротник, притянул к себе так близко, что маг почувствовал холод его глаз.

— Слушай меня, — голос Кристофера звучал тихо, но в нём была такая сталь, что даже тени, казалось, притихли. — Ты не решаешь, идти тебе или нет. Ты не решаешь, жить тебе или умереть. Это решаю я. Потому что я — охотник. А ты — добыча.

Элиас открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Он только беспомощно дёрнулся, пытаясь вырваться, но хватка Кристофера была крепче любых цепей.

— Ты думаешь, я делаю это ради золота? — Кристофер усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья. — Или ради закона? Нет. Я делаю это, потому что если я не заберу тебя, это сделает кто-то другой. А у других нет привычки оставлять тебя в живых хотя бы до выхода из катакомб.

Где-то впереди раздался новый звук — низкий, вибрирующий, будто кто-то огромный медленно разворачивался в темноте. Тени сгустились, почти полностью поглотив свет, и даже багровое свечение клинка стало тускнеть, словно сама магия пыталась спрятаться от того, что надвигалось.

Кристофер крепче сжал рукоять меча и потянул Элиаса за собой. Маг спотыкался, цеплялся за воздух, но его сопротивление было уже не борьбой — это были последние судороги загнанного зверя.

— Держи язык за зубами и не мешай, — бросил Кристофер, не оборачиваясь. — Если повезёт, ты увидишь рассвет. Если нет — хотя бы не будешь кричать слишком громко.

И они двинулись вперёд, в самую гущу тьмы, где каждый

шаг мог стать последним, а каждый вздох — прощальным. Тени тянулись к ним, словно хотели поглотить, но Кристофер шёл так, будто знал дорогу даже там, где дорог не существовало. Он не был героем. Он не был спасителем. Он был охотником. И сейчас он вёл свою добычу туда, где её ждали.

Замок Кристофера стоял на отвесной скале, будто вырос из самой тьмы — чёрный, угловатый, с башнями, похожими на сломанные клыки. Ветер здесь не гулял — он выл, как загнанный зверь, и даже факелы на стенах горели не огнём, а тусклым, болезненным светом, будто пламя боялось разгореться в полную силу.

Кристофер вёл Элиаса через двор, где камни были выложены узором из рун, подавляющих магию. Каждый шаг давался магу тяжелее предыдущего: воздух здесь был густым, словно пропитанным свинцом, и даже дышать становилось мучительно. Элиас пытался вырваться, дёргался, как пойманная птица, но хватка Кристофера была безжалостной — пальцы впивались в плечо до синяков, до хруста костей.

— Пусти! — прохрипел Элиас, когда они подошли к тяжёлой железной двери, ведущей вниз. — Я не пойду туда! Я лучше умру прямо здесь!

— Ты уже там, где тебе положено быть, — спокойно ответил Кристофер, не замедляя шага. — А умирать будешь,

когда я решу, что время пришло.

Он толкнул дверь, и та распахнулась с протяжным, стонущим скрипом, будто сама стена протестовала против того, что должно было произойти. За ней начиналась лестница — узкая, крутая, ступени покрыты тёмными пятнами, которые не смывались ни дождём, ни временем. Кристофер подтолкнул Элиаса вперёд, и тот пошатнулся, едва не рухнув вниз.

Подвал его замка был не просто тюрьмой — это была ловушка для магии. Стены здесь были выложены чёрным камнем, добытым в заброшенных шахтах, где когда-то добывали руду, поглощающую чары. В воздухе витал запах железа и чего-то ещё — горького, металлического, будто сама земля здесь была отравлена.

Вдоль коридора тянулись камеры с толстыми решётками, прутья которых были покрыты выжженными символами. Некоторые камеры пустовали. В других... шевелились тени. Но Кристофер не смотрел на них. Он вёл Элиаса к самой дальней камере — той, что считалась «чистой», потому что в ней ещё не умирали.

Когда они подошли к решётке, Кристофер наконец отпустил Элиаса. Маг рухнул на колени, тяжело дыша, его пальцы вцепились в холодный камень пола, будто он надеялся, что тот удержит его от падения в бездну.

— Встань, — голос Кристофера прозвучал ровно, без эмоций. — Не устраивай здесь спектакль.

Элиас поднял на него глаза — в них плескалась смесь

ненависти и отчаяния.

— Ты... ты сам такой же, как я! — выкрикнул он, голос его сорвался. — Ты прячешь свою магию, ты убиваешь тех, кто похож на тебя! Ты просто боишься признать, что ты такой же...

Кристофер на мгновение замер. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на тень боли, но тут же исчезло, сменившись привычной ледяной маской.

— Я не боюсь ничего, — тихо сказал он. — Я просто знаю цену. И я её плачу. Каждый день.

Он достал тяжёлый ключ, покрытый теми же рунами, что и стены, и вставил его в замок. Щёлчок прозвучал оглушительно громко, будто приговор. Решётка со скрипом отъехала в сторону, и Кристофер втокнул Элиаса внутрь.

Камера была маленькой, тесной, с единственным узким отверстием под потолком, через которое едва пробивался тусклый свет. Пол был покрыт слоем сухой соломы, давно превратившейся в пыль. В углу стояла железная цепь с кандалами — их звенья были холодными даже на вид.

— Не надо... — прошептал Элиас, отползая к стене, пока Кристофер не схватил его за запястье и не защёлкнул кандалы. Металл впился в кожу, и на запястьях тут же проступили капли крови.

— Это не для красоты, — сухо бросил Кристофер, проверяя надёжность замка. — Здесь магия не работает. Даже твоя жалкая искра погаснет, как свеча на ветру.

Он выпрямился и посмотрел на Элиаса сверху вниз, и в этом взгляде не было ни жалости, ни злорадства — только холодная, расчётливая отстранённость.

— Завтра тебя заберут, — сказал он, поворачиваясь к выходу. — Сенат хочет видеть тебя живым... хотя бы до суда. А что будет после — меня не касается.

— Ты не можешь просто так оставить меня здесь! — выкрикнул Элиас, и его голос эхом разнёсся по камере, ударяясь о стены и возвращаясь обратно, ещё более жалким. — Ты же понимаешь, что они убьют меня! Они убьют всех, у кого есть хоть капля силы!

Кристофер остановился у решётки, но не обернулся.

— Я всё понимаю, — тихо произнёс он. — Но это не моя война. Я — охотник. Я приношу добычу. А что с ней делают дальше — не моя забота.

С этими словами он захлопнул решётку, и замок щёлкнул, отрезая Элиаса от всего мира. Кристофер вставил ключ в карман, не глядя на мага, и пошёл прочь, оставляя за собой только эхо своих шагов и тяжёлый, давящий воздух подземелья.

Где-то в глубине тюрьмы раздался тихий, протяжный стон — то ли от ветра, то ли от чего-то гораздо более зловещего. Но Кристофер даже не вздрогнул. Он привык к этим звукам. Они были частью его работы.

А Элиас остался сидеть в темноте, прикованный к стене, с кровью на запястьях и с единственным вопросом, который

жѣг ему горло: «Почему он не убил меня сразу?»

Но Кристофер не оглядывался. Он знал, что милосердие — это роскошь, которую он давно себе не позволял. И сейчас было не время её возвращать.

Кристофер шѣл по коридору, и его шаги звучали одинаково ровно — будь то над пропастью или перед камерой с самой опасной добычей. Здесь, в глубине замка, тишина была не пустотой, а чем-то плотным, почти осязаемым — она впитывала крики, глотала мольбы, оставляла только эхо и запах сырости.

Он остановился перед камерой в самом конце коридора — той, что отличалась от остальных. На решѣтке здесь висели не просто руны, а переплетѣнные цепи из особого сплава, который вытягивал влагу из воздуха, лишая мага воды — её стихии. Внутри было холоднее, чем в остальных отсеках, будто сама камера сопротивлялась теплу, выталкивала его прочь.

За решѣткой стояла Элизни.

Блондинка с волосами, похожими на застывшие струи воды, с глазами цвета зимнего льда. Она стояла прямо, не опираясь на стены, не прячась в тень — будто сама тьма была ей не страшна. На запястьях у неё были такие же кандалы, как у Элиаса, но на них виднелись тонкие трещины: следы её попыток растопить металл, превратить его в воду и вырваться. Металл держался. Руны на цепях не давали магии пробиться.

Когда Кристофер подошёл, она даже не повернула головы. Только чуть приподняла подбородок — жест, полный презрения, как пощёчина без руки.

— Опять ты, — её голос звучал ровно, но в нём звенел холод, способный заморозить слова на лету. — Пришёл полюбоваться, как я медленно схожу с ума в этой клетке?

Кристофер не ответил сразу. Он просто осмотрел решётку, проверил замки, скользнул взглядом по рунам — не из тревоги, а по привычке. Всё было на месте. Всё работало.

— Проверяю, не придумала ли ты новый способ сбежать, — наконец произнёс он, голос его был таким же будничным, как если бы он говорил о погоде. — В прошлый раз ты чуть не превратила пол в каток. Пришлось сушить три дня.

Элизни наконец посмотрела на него. В её взгляде не было страха — только жгучая, ледяная ненависть, от которой даже воздух вокруг, казалось, становился тоньше.

— Лучше бы ты провалился в какую-нибудь трещину, — процедила она. — Или пусть магия вернётся и сожжёт этот замок до основания. Вместе с тобой.

Кристофер чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что за ними скрывалось.

— Ты злишься, потому что не можешь ничего сделать, — спокойно заметил он. — Это нормально. Я бы тоже злился.

— Ты не способен злиться! — выкрикнула она, и голос её дрогнул, выдавая ту самую ярость, которую она так старательно прятала под презрением. — Ты вообще ничего не

чувствуешь! Ты просто машина, которая ловит и сдаёт!

— Чувства мешают делу, — отрезал Кристофер. — А я делаю дело.

Она шагнула вперёд, насколько позволяла цепь, и остановилась в шаге от решётки. Её пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но она даже не поморщилась.

— Ты ведь тоже колдун, — прошептала она, и теперь в её голосе не было крика — только горькая уверенность. — Я чувствую это. Ты прячешься за своей бронёй, за этими рунами, за своим «я просто делаю работу». Но ты такой же, как мы. Просто выбрал другую сторону.

Кристофер на мгновение замер. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на тень воспоминания — но тут же исчезло.

— Я выбрал сторону, где не умирают невинные, — тихо сказал он. — Где города не сгорают от одной искры. Где дети не просыпаются в пепле.

— А мы, значит, не невинные? — Элизни горько усмехнулась. — Мы — просто угроза, которую надо убрать?

— Вы — сила, — ровно ответил он. — А сила без контроля — это всегда угроза. Даже если ты хотела только спасти.

Она хотела что-то сказать, но слова застряли у неё в горле. Вместо этого она отвернулась, словно не могла больше выносить его присутствия.

Кристофер ещё раз проверил замок, убедился, что руны светятся тусклым синим светом — знак того, что магия внутри подавлена. Потом он сделал шаг назад, не сводя глаз с

Элизни, будто ожидая, что она всё-таки бросится на решётку, попытается прожечь его взглядом, заморозить одним словом.

Но она стояла неподвижно, сжав плечи, будто пыталась удержать внутри себя всю ту бурю, которую не могла выпустить наружу.

— Завтра тебя тоже заберут, — сказал Кристофер, уже поворачиваясь, чтобы уйти. — Сенат хочет устроить показательный суд. Чтобы все видели: магия больше не правит.

Элизни резко обернулась, и в её глазах вспыхнул такой холод, что даже руны на стенах, казалось, дрогнули.

— Пусть приходят, — прошептала она. — Пусть смотрят. Пусть узнают, что они делают.

Кристофер не ответил. Он просто закрыл за собой тяжёлую дверь, отрезая её голос, её ярость, её боль.

В коридоре снова воцарилась тишина — та самая, что знала все секреты этого места. Кристофер пошёл дальше, проверяя остальные камеры, отмечая в памяти каждую деталь: где ослабла цепь, где потускнели руны, где в углу скопилась влага, будто сама магия пыталась просочиться сквозь камень.

Он не чувствовал вины. Не чувствовал жалости. Только усталость — тяжёлую, въевшуюся в кости, как ржавчина в сталь. Он знал, что завтра Сенат заберёт и Элиаса, и Элизни. Знал, что их казнят на площади, чтобы весь город видел, как кончается эпоха магии.

И знал, что когда-нибудь кто-то спросит у него: «А ты

правда верил, что это правильно?»

Но пока он не позволял себе думать об этом. Пока ему хватало одной мысли: работа должна быть сделана. Даже если эта работа медленно разъедает душу, как кислота разъедает металл.

Где-то в глубине замка часы пробили три. Звук был глухим, будто доносился из-под воды. Кристофер остановился на мгновение, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась ему не просто отсутствием звуков, а чем-то живым — и очень внимательным.

А потом он пошёл дальше. Потому что работа ещё не была закончена.

Утро в замке Кристофера началось не с пения птиц — их здесь не было уже много лет, — а с глухого, тягучего звона колокола на главной башне. Этот звон означал одно: сегодня Сенат заберёт добычу. Во дворе уже топтались стражники в тяжёлых плащах, их мечи поблёскивали тускло, будто стыдились своего предназначения. По коридорам сновали писари с пергаменами, фиксируя каждое движение, каждый вздох — чтобы потом вписать в отчёты, как «порядок торжествует над хаосом».

Кристофер стоял у окна в своей комнате — не для того, чтобы любоваться рассветом, а чтобы видеть, как выстраи-

ваются ряды, как проверяют цепи, как пересчитывают награды. Он знал этот ритуал до мелочей. И знал, что любая мелочь может стать трещиной, через которую всё рухнет.

Именно эта мысль заставила его свернуть с привычного маршрута. Вместо того чтобы сразу идти к камере Элиаса, он направился к отсеку Элизни. Что-то внутри него — не предчувствие, а холодный, выверенный инстинкт охотника — шептал: «Проверь сначала её».

Он подошёл к камере и замер перед решёткой.

Камера была пуста.

Не просто пуста — она была неправильна пуста. В воздухе витал едва уловимый запах озона и холода, будто кто-то резко распахнул ледяную дверь и тут же захлопнул её. На полу, там, где раньше лежала тонкая корка инея, теперь темнели влажные пятна, быстро исчезающие, словно камень жадно впитывал воду. Кандалы лежали на полу — не сломанные, а раскрытые. Звенья были покрыты тонкой плёнкой воды, которая уже начинала замерзать, образуя хрупкие кристаллы.

Руны на цепях не светились. Они были погашены.

Кристофер не выругался. Не бросился вперёд. Он просто стоял и смотрел на эту пустоту, и в его глазах медленно разгоралось то самое выражение, которое стражники боялись увидеть больше всего: ледяное понимание, что дичь ускользнула — и теперь охота начнётся по-настоящему.

А где-то в глубине замка раздался тихий, едва слышный звук — будто капля ударилась о камень. Но это была не кап-

ля. Это был первый шаг.

Элизни двигалась по тёмным переходам, как тень, которая научилась дышать. Её магия здесь почти не работала — руны высасывали силу, как корни высасывают воду из земли. Но она нашла лазейку. Не в силе, а в терпении.

Три дня подряд она не пыталась сломать цепи. Не пыталась заморозить решётку. Она слушала. Слушала, как дышит замок, как стонут камни, как шепчутся руны между собой, когда их никто не слышит. Она заметила, что в одном углу камеры влага скапливается чуть дольше, будто руны там устают быстрее. Заметила, что цепь крепится к стене не на болтах, а на заклёпках, и металл там чуть тоньше — его подточила сырость, которую сама же Элизни и создавала, капля за каплей, день за днём.

Она не стала тратить магию на громкие трюки. Она превратила влагу в тончайшую иглу льда — невидимую, острую, как жало. И стала водить ею по заклёпке, пока та не треснула. Потом — ещё одну. И ещё. Когда заклёпки рассыпались, она просто сняла кандалы, будто это были браслеты, которые ей разонравились.

Решётку она обошла хитростью. Пока стражник делал обход, она создала иллюзию — тонкий ледяной отпечаток самой себя, сидящей у стены. Он увидел фигуру, кивнул, записал в

журнал: «Пленница на месте» — и пошёл дальше. А Элизни скользнула в вентиляционный ход, который вёл к старой котельной — туда, где руны были слабее, потому что никто не ждал, что кто-то станет выбираться через дымоход.

Теперь она была в переходах, где воздух пах гарью и старым железом. Она знала: если её поймут сейчас, то уже не дадут второго шанса. Поэтому она не бежала. Она кралась, оставляя за собой лишь едва заметные следы инея на камнях — следы, которые таяли быстрее, чем их успевали заметить. Но она не учла одного.

Кристофер знал этот замок лучше, чем собственное отражение. Он знал, где камни лежат неровно, где пол скрипит на полтона тише, где воздух становится тяжелее. И когда он вышел из коридора, ведущего к камерам, и свернул в боковой проход, он уже знал, куда она пойдёт.

Потому что он сам когда-то пользовался этим путём.

Они встретились в заброшенной часовне на нижнем уровне — месте, которое давно не использовалось, потому что там руны не работали вовсе: стены были из обычного камня, не пропитанного магией. Здесь воздух был чище, и Элизни на мгновение позволила себе вдохнуть полной грудью. Она уже видела выход — узкую щель в стене, ведущую к скалистому склону, откуда можно было спуститься к реке. Ещё

пять минут — и она будет свободна.

Но когда она шагнула к проёму, из тени вышел Кристофер.

Он не держал клинок наготове. Он просто стоял, спокойный, будто пришёл не ловить беглянку, а поговорить.

— Ты думала, я не замечу, что руны погасли? — его голос звучал не громко, но в пустом помещении он разносился, как удар молота. — Или что кандалы сами себя снимают?

Элизни отступила на шаг, и её пальцы сжались, пытаясь нащупать хоть каплю силы. Но здесь, в часовне, магия была как песок — её было много, но удержать её было невозможно.

— Я не вернусь, — тихо, но твёрдо сказала она. — Даже если ты убьёшь меня здесь. Лучше смерть на свободе, чем клетка.

Кристофер чуть склонил голову.

— Я не собираюсь тебя убивать, — спокойно произнёс он. — Но и отпустить не могу.

— Почему? — в её голосе прорвалась горечь. — Потому что тебе платят? Потому что ты боишься, что кто-то узнает, что ты такой же, как мы?

— Потому что, если ты выйдешь отсюда сейчас, начнётся паника, — ответил он, и в его словах не было пафоса, только сухая логика. — Стражники решат, что система дала сбой. Сенат решит, что нужно усилить контроль. А это значит — новые облавы, новые казни, новые клетки. Ты думаешь, ты

спасаешь себя. А на деле ты поджигаешь фитиль.

Элизни усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— Ты оправдываешь свою работу красивыми словами, — прошептала она. — Но ты всё равно остаёшься охотником.

— Да, — не стал спорить Кристофер. — И сейчас ты — моя добыча. Но я могу сделать так, чтобы тебя не казнили.

Она замерла, будто эти слова ударили сильнее, чем любой клинок.

— Что? — переспросила она, словно не веря своим ушам.

— У меня есть связи, — сухо сказал он. — Я могу договориться, чтобы тебя не выводили на площадь. Чтобы ты исчезла. Но для этого ты должна остановиться. Сейчас.

Элизни смотрела на него, и в её глазах боролись ненависть, недоверие и крошечная, почти незаметная искра надежды.

— И что ты хочешь взамен? — наконец спросила она, голос её дрожал, но она старалась держать спину прямо.

Кристофер помолчал. Потом сделал шаг вперёд — не угрожающе, а просто чтобы сократить расстояние между ними.

— Ничего, — сказал он. — Кроме того, чтобы ты не делала глупостей.

В этот момент где-то наверху раздался крик. Потом ещё один. Звук металла, звон цепей, топот множества ног. Кто-то заметил пропажу. И теперь замок превращался в ловушку — но не для неё, а для всех.

Кристофер резко обернулся на звук, и на мгновение маска спокойствия слетела с его лица, обнажив то, что он так старательно прятал: напряжение, расчёт, готовность к бою.

— Они идут, — тихо сказал он. — Если они найдут тебя здесь, у меня не будет времени договариваться.

Элизни снова посмотрела на выход. На свободу. На шанс, который мог исчезнуть в любую секунду.

И в этот миг она поняла: свобода, купленная чужой кровью, не будет свободой.

Она медленно опустила руки. Пальцы разжались, и последние крупницы магии, которые она пыталась собрать, рассыпались, как иней на ветру.

— Хорошо, — прошептала она, и это слово прозвучало как признание поражения — и как начало чего-то нового. — Я останусь. Но только если ты сдержишь слово.

Кристофер кивнул. Он не улыбался. Не благодарил. Он просто шагнул к ней и взял её за руку — не грубо, но твёрдо, так, чтобы она не могла вырваться.

— Держись рядом, — тихо сказал он. — Сейчас самое опасное — не стражники. Самое опасное — паника.

И они двинулись обратно, туда, где звенели мечи, где горели факелы и где каждый шаг мог стать последним. Не как охотник и добыча. Не как враги. А как два человека, которые вдруг поняли, что у них одна цель — пережить этот день.

А замок вокруг них оживал, наполняясь криками, лязгом и тяжёлым дыханием надвигающейся бури.

2 глава

Кристофер вёл Элизни не по сырым коридорам к решёткам, а вверх — по каменным лестницам, где ступени были выстланы вытертым ковром, а на стенах висели потемневшие гобелены с гербами давно забытых домов. Здесь пахло не сыростью и страхом, а воском, старым деревом и чем-то почти домашним — будто замок на секунду притворился не тюрьмой, а домом.

Элизни шла рядом, не вырываясь, но и не смиряясь — её плечи оставались напряжёнными, как натянутая тетива. Она фыркала каждый раз, когда мимо проходил стражник: тот косился на неё, будто боялся, что она обратит его в сосульку одним взглядом. Но Кристофер держал её руку твёрдо, без лишней жестокости — просто чтобы не было соблазна снова нырнуть в тень.

Они вошли в небольшую комнату на втором ярусе: с узким окном, тяжёлыми шторами и камином, в котором тлели угли. Не тюрьма. Почти гостевые покои — если не считать того, что дверь запиралась снаружи, а окно выходило на отвесную скалу.

— Садись, — Кристофер кивнул на кресло у камина. — И не делай глупостей. Здесь рун нет, но стража у двери есть.

— О, какая щедрость, — процедила Элизни, не садясь. — Ты решил устроить мне экскурсию по своим хоромам,

прежде чем снова надеть кандалы?

— Я хочу понять, — спокойно ответил он, оставаясь у двери, будто держал выход под контролем. — В подвале руны гасят любую магию. Даже мою. А ты сумела не просто использовать силу — ты её спрятала. Как?

Она усмехнулась — сухо, с тем самым презрением, которое режет лучше ножа.

— Ты всё меришь своими железками и рунами, — бросила она, проводя ладонью по спинке кресла, будто проверяя, не липнет ли к ней эта комната. — Думаешь, магия — это вспышка, которую можно накрыть колпаком. А вода... вода — это жизнь. Она течёт везде. В камнях, в воздухе, в тебе самом. Ты сейчас дышишь влагой, потеешь влагой, кровь твоя — тоже вода. Руны могут заглушить гром, но не могут остановить дождь.

Кристофер чуть прищурился.

— Красиво говоришь. Но это не объяснение.

— А ты не проси объяснений, — она наконец села — не потому что устала, а чтобы показать, что делает это сама. — Ты просишь оправданий. А у стихии нет оправданий. Она просто есть.

Он помолчал, будто взвешивая каждое слово, как монеты на весах.

— Значит, ты использовала не магию как заклинание, — произнёс он, скорее для себя, чем для неё. — А самую суть своей силы. Тонко. Почти незаметно.

— Тонко? — Элизни горько рассмеялась. — Да я три дня капала этой тонкостью, как крыса грызёт стену. По капле, по кристаллику. Ты думаешь, это красиво? Это было унижительно. Сидеть в темноте и царапать лёд по заклёпке, чтобы не сойти с ума.

Кристофер не стал спорить. Он знал цену такой «тонкости». Знал, сколько терпения нужно, чтобы победить не врага, а камень.

— Ты могла бы использовать эту силу иначе, — тихо сказал он. — Не для побега. Для чего-то большего.

— Например? — она наклонила голову, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на насмешливое любопытство. — Спасать утопающих? Лечить раненых? Или, может, делать лёд для твоего вина, чтобы ты мог пить его холодным, пока мир горит?

В её словах был яд, но в голосе — усталость. Та самая, которая приходит, когда слишком долго держишь щит.

— Например, не давать миру сгореть, — ровно ответил Кристофер. — Но сейчас ты не спасаешь мир. Ты спасаешь себя. И делаешь это так, что следом сгорают другие.

— Потому что выбора нет, — отрезала она. — Или ты спасаешь себя, или тебя спасают — и тогда ты становишься их инструментом. Как ты.

Он чуть дёрнул уголком губ — почти улыбка, но без радости.

— Цинично, — признал он. — Но честно.

— Вот и не проси от меня красивых слов, — фыркнула Элизни. — Я не поэт. Я маг воды. И если ты хочешь знать, как я сбежала, — я скажу: я стала тише воды и холоднее льда. А потом ударила туда, где металл устал. Это не магия. Это терпение. И отчаяние.

Кристофер кивнул, будто принимая этот ответ — не как оправдание, а как факт.

— Отчаяние — сильный союзник, — произнёс он. — Но плохой хозяин.

Где-то за стеной раздался тяжёлый, размеренный шаг — стражники шли по коридору, проверяя каждый угол. Замок гудел, как улей, потревоженный дымом.

Кристофер подошёл к окну и на мгновение замер, глядя на серые скалы, на небо, затянутое тучами. Потом обернулся.

— Сейчас они ищут не тебя, — сказал он, голос его стал ниже, суше. — Они ищут повод. Любой повод, чтобы показать, что система не даёт трещин. Если тебя снова найдут в камере — это просто побег. Если тебя найдут здесь, в моих покоях, — это заговор. И тогда казнят не только тебя.

Элизни выпрямилась, будто кто-то дёрнул её за воротник.

— Что ты хочешь этим сказать? — прошептала она, и в этом шёпоте не было прежней бравады.

— То, что сейчас ты не пленница, — спокойно ответил Кристофер. — Ты — моя ответственность. И пока ты здесь, я отвечаю за то, что ты не станешь поводом для резни.

Она смотрела на него, будто пыталась разглядеть за этой холодной логикой хоть каплю чего-то человеческого. Но Кристофер не давал ей этой зацепки. Он был твёрд, как камень, и так же мало склонен к сочувствию.

— И что теперь? — наконец спросила она, голос её звучал уже не язвительно, а устало. — Ты будешь держать меня здесь, пока Сенат не решит, что я достаточно напугана?

— Пока не утихнет паника, — поправил он. — А потом мы решим, что делать дальше.

— Мы? — она снова фыркнула, но на этот раз в этом звуке не было столько яда. — Звучит почти как партнёрство.

— Не обольщайся, — сухо бросил Кристофер. — Это не союз. Это временная передышка.

И в этот момент дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова стражника.

— Господин Кристофер, — выдохнул он, будто боялся произнести имя громче. — Мы нашли следы... в котельной. Думаем, она пыталась уйти через дымоход. Но теперь... теперь все говорят, что её видели в переходах. Что делать?

Кристофер даже не обернулся резко. Он просто посмотрел на стражника так, что тот невольно отступил на полшага.

— Ничего, — спокойно сказал Кристофер. — Она здесь. Под моим надзором. И пока я говорю, что всё в порядке, — всё в порядке.

Стражник сглотнул, кивнул и исчез за дверью, будто его и не было.

Когда шаги затихли, Элизни тихо, почти про себя, произнесла:

— Ты умеешь звучать так, будто каждое твоё слово — закон.

— Это потому что так и есть, — без тени гордости ответил Кристофер. — Здесь мой закон. И пока он держится, ты жива.

Она посмотрела на камин, на угли, которые медленно гасли, и вдруг сказала совсем другим тоном:

— Знаешь, вода может и потушить огонь. А может и вскипеть. Всё зависит от того, насколько горячо.

Кристофер едва заметно усмехнулся.

— Тогда постарайся, чтобы здесь не закипало, — спокойно произнёс он. — Мне и так хватает бурь снаружи.

И в комнате снова повисла тишина — тяжёлая, настороженная, как перед грозой. Но на этот раз она не была пустой. В ней было что-то новое: не вражда, не покорность, а хрупкое, едва заметное понимание, что они оба стоят на краю — и пока держатся за один и тот же камень.

Кристофер не садился. Он остался стоять у окна — тёмный силуэт на фоне свинцового неба, будто сам замок подпирал его плечами. В комнате стало тише, чем должно быть в месте, где только что метались стражники и звенели приказы. Эта тишина была не покоем, а паузой — как затишье перед ударом хлыста.

— У тебя есть два пути, — сказал он, не глядя на Элизни.

Голос его звучал ровно, буднично, будто он обсуждал расписание караулов. — Первый: ты работаешь со мной. Добровольно. Помогаешь отслеживать других магов, находить их слабые места, предугадывать, как они будут прятаться. Твоя магия воды и льда — это не про разрушения. Это про контроль. Про то, как удержать то, что рвётся наружу. Мне это нужно.

Элизни сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Она не смотрела на него — смотрела на угли в камине, будто надеялась, что они вспыхнут и дадут ей хоть каплю силы, хоть повод для вспышки. Но угли только тихо потрескивали, сдаваясь холоду.

— А второй путь? — процедила она, и в этом вопросе не было любопытства. Только готовность услышать самое худшее.

Кристофер наконец повернулся. Его взгляд был таким же тяжёлым, как металл его доспехов.

— Второй путь, — он сделал паузу, словно давая ей время додумать самой, но не давая шанса избежать смысла, — ты всё равно работаешь со мной. Только без иллюзий, что у тебя есть выбор. Я знаю, как ломать волю. Не пытками — это дёшево и ненадёжно. Волю ломают рунами. Тишиной. Ожиданием. Тем, что ты просыпаешься и понимаешь: каждый твой вдох теперь — одолжение, а не право. И в какой-то момент ты сама скажешь: «Я сделаю, что нужно». Просто чтобы снова почувствовать, что ты хоть что-то решаешь.

Элизни побледнела, но не от страха — от ярости, которая не находила выхода. Она знала: он не блефует. Его руны не просто гасили магию. Они высасывали саму способность сопротивляться, превращая силу в усталость, а надежду — в привычку терпеть.

— Ты... — она запнулась, и слово, готовое сорваться с языка, так и осталось невысказанным. Потому что ругань сейчас была бы криком ребёнка, который колотит кулаками по стене. Бесполезным.

— Не трать дыхание на оскорбления, — спокойно обормвал Кристофер. — Они ничего не меняют. Меняют только решения.

Она подняла на него глаза — и в них не было покорности. Только горькое, колющее понимание.

— Ты не даёшь мне шанса, — прошептала она, и это прозвучало не как жалоба, а как констатация факта, от которого становилось холодно даже у камина.

— Шанс — это роскошь, — цинично усмехнулся Кристофер, и в этой усмешке не было веселья, только усталость человека, который слишком часто видел, как роскошь становится причиной чьей-то смерти. — А я не благотворитель. Я охотник. И сейчас мне нужен не враг, а инструмент. Ты можешь быть инструментом с лицом. Или без. Выбор за тобой. Но помни: если выберешь «без», я не стану мягче. Я стану эффективнее.

Элизни медленно выдохнула, будто сбрасывая с себя

остатки гордости, как сбрасывают промокший плащ. Она знала, что с его тёмной магией хаоса, с этими рунами, которые тянули силу из воздуха и из неё самой, ей не справиться. Даже если бы она сумела собрать каплю магии, он погасил бы её раньше, чем та успела бы оформиться в заклинание. Он был не просто охотником. Он был ловушкой, которая знала, как захлопнуться бесшумно.

— Хорошо, — наконец сказала она, и каждое слово давалось ей, как шаг по битому стеклу. — Я буду работать с тобой. Добровольно.

Кристофер чуть склонил голову — не в знак благодарности, а как человек, который фиксирует факт.

— Добровольность — это деталь, — сухо заметил он. — Главное — результат.

— Но есть условие, — голос Элизни вдруг стал твёрже, будто она нашла точку опоры в самом факте, что ещё может что-то требовать. — Никаких казней. Никаких показательных судов. Если я помогаю тебе находить магов, ты не отдаёшь их Сенату на растерзание. Ты даёшь им шанс.

Он помолчал. Слишком долго для того, чтобы это было согласием.

— Шансы стоят дорого, — наконец произнёс он. — И я не раздаю их просто так. Если кто-то опасен — он будет нейтрализован. Если кто-то может быть полезен — мы найдём ему место. Но не жди от меня милосердия. Я не спасаю людей. Я предотвращаю катастрофы.

Элизни стиснула зубы. Она понимала: это не сделка. Это капитуляция с правом голоса. Но право голоса — уже что-то.

— Тогда начнём с Элиаса, — резко сказала она, будто бросая вызов не ему, а самой ситуации. — Он не опасен. Он просто пытался спасти дочь. Ты сам это слышал.

Кристофер на мгновение замер, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на тень воспоминания. Но тут же исчезло.

— Элиас уже приговорён, — холодно ответил он. — Не мной. Сенатом. И пока этот приговор не отменён, он остаётся в списке целей.

— Значит, ты ничего не можешь, — горько усмехнулась Элизни. — Ты только и умеешь, что исполнять приказы.

— Я умею выживать, — отрезал Кристофер, и в этих словах прозвучала такая тяжесть, будто за ними стояли годы, когда выживание стоило слишком дорого. — И делать так, чтобы выживали те, кто мне нужен. Если ты станешь одной из них — я постараюсь, чтобы тебя не бросили на площадь. Но не потому что я добрый. А потому что ты полезна.

В комнате снова повисла тишина, тяжёлая и липкая, как смола. Где-то далеко внизу лязгнула решётка, и этот звук прозвучал как напоминание: замок не забывал, кто здесь хозяин.

— Что ты хочешь от меня прямо сейчас? — спросила Элизни, уже не с вызовом, а с усталой готовностью принять правила игры, в которой она заведомо проигрывала.

Кристофер подошёл к столу, взял лист пергамента, исчер-

ченный пометками, и протянул ей. На бумаге были набросаны маршруты, точки, имена, перечёркнутые и обведённые заново.

— Здесь список тех, кого Сенат хочет видеть мёртвыми или в цепях, — спокойно сказал он. — Твоя задача — посмотреть и сказать, где они могут прятаться. Как бы ты сама скрывалась, если бы за твоей головой охотились. Где магия воды даст преимущество. Где лёд может стать щитом. Где тень может стать дорогой.

Элизни взяла пергамент, пальцы её дрогнули, но она не выпустила бумагу. Она смотрела на имена, и каждое из них было чьей-то жизнью, чьим-то страхом, чьей-то последней надеждой.

— И если я укажу на них, — тихо произнесла она, не поднимая глаз, — ты пойдёшь туда. И они...

— Они столкнутся со мной, — ровно закончил Кристофер. — И дальше всё будет зависеть от того, насколько быстро они поймут, что сопротивление бесполезно.

Она сжала пергамент так, что бумага захрустела.

— Ты делаешь из меня соучастницу, — прошептала она.

— Ты уже была ею, — цинично бросил он. — Просто раньше ты сопротивлялась. Теперь ты знаешь цену этому сопротивлению. И знаешь, что я не оставлю тебе лазеек.

Где-то над замком прокатился раскат грома — первый предвестник бури. Ветер рванул ставни, и те закрипели, будто пытались вырваться. Кристофер даже не вздрогнул.

Он привык к бурям. Привык к тому, что мир постоянно пытается сломать его планы. И привык ломать мир в ответ.

— Начинай, — коротко приказал он, указывая на пергамент. — Время не ждёт. И Сенат тоже.

Элизни глубоко вдохнула, будто ныряя в ледяную воду. Потом развернула лист и начала читать. Её голос звучал тихо, но чётко, как приговор, который она вынуждена была произнести сама.

И Кристофер слушал. Не с сочувствием. Не с одобрением. А как человек, который собирает оружие — любое, даже если оно сделано из осколков чужой надежды.

Потому что в этом мире надежда была редкостью. А эффективность — единственной валютой, которая ещё имела цену.

Трущобы начинались там, где кончалась брусчатка и начиналась грязь. Узкие проходы между покосившимися домами были похожи на трещины в старом камне — тесные, тёмные, пахнущие гнилью и отчаянием. Здесь не было фонарей: те, кто жил внизу, не хотели света, а те, кто охотился, не нуждались в нём.

Кристофер шёл впереди, не прячась, но и не выставя себя напоказ. Его плащ волочился по грязи, будто сам мир пытался его задержать, но Кристофер стряхивал это, какстря-

хивают воду с ножа. Рядом, чуть позади, шла Элизни. Её светлые волосы были стянуты в тугой узел и скрыты под тёмным капюшоном — не ради маскировки, а чтобы не выделяться. В этих кварталах светлые волосы были меткой, а метки здесь не любили.

Она держалась ровно, но Кристофер замечал каждую мелочь: как она чуть вздрагивала, когда из-под ног выныривала крыса; как её пальцы сжимались в кулаки, будто она всё ещё пыталась удержать магию, которой здесь почти не было. Руны на его медальоне тянули силу из воздуха, не давая ни ей, ни кому-либо другому собрать достаточно энергии для серьёзного заклинания. Но он знал: Элизни найдёт способ. Она уже доказала, что умеет выживать на крохах.

— Он прячется в старой прачечной, — тихо сказала она, не глядя на Кристофера. Голос её звучал ровно, но в нём слышалась горечь, будто каждое слово царапало горло. — Там трубы идут под полом, и вода всегда тёплая. Маг огня любит тепло. Но там же и сырость. Если он будет колдовать, пар выдаст его раньше, чем он успеет бросить заклинание.

Кристофер кивнул. Он не благодарил за подсказки. Благодарность здесь была роскошью, как и свобода.

— Значит, зайдём с подвала, — спокойно произнёс он. — Через коллектор. Там никто не ждёт гостей.

Они свернули в узкий проход, где стены смыкались так близко, что казалось, будто город пытается их раздавить. Внизу, под ногами, глухо журчала вода — не чистая, а мут-

ная, смешанная с грязью и чем-то ещё, от чего воздух становился тяжёлым.

Когда они спустились в коллектор, запах стал почти невыносимым. Элизни задержала дыхание, но не пожаловалась. Кристофер заметил это, но ничего не сказал. Жалобы здесь тоже были роскошью.

Впереди показалась решётка — ржавая, перекошенная, но всё ещё на месте. За ней начинался коридор, ведущий к старой прачечной. Кристофер остановился, достал небольшой инструмент — тонкий стержень с руническим узором — и вставил его в замок. Металл щёлкнул, и решётка медленно отъехала в сторону, словно нехотя пропуская их.

— Держись позади, — коротко бросил он Элизни. — Если он бросит огонь, вода тебя спасёт. Но только если ты будешь готова.

Она фыркнула — тихо, почти неслышно, но он уловил этот звук.

— Я всегда готова, — процедила она. — Просто не всегда у меня есть чем защищаться.

— Сегодня у тебя есть я, — сухо ответил Кристофер. И это не было обещанием защиты. Это было констатацией факта: он был её щитом и одновременно её клеткой.

Они вошли в подсобку прачечной. Здесь было темно и влажно, воздух дрожал от тепла, поднимавшегося снизу. Где-то капала вода, и этот звук казался громче любого крика.

Маг огня ждал их.

Он стоял у котла, в котором бурлила вода, и его глаза горели не от магии, а от страха и ярости. В руке он сжимал кусок железа — не оружие, а скорее символ того, что он ещё может сопротивляться.

— Не подходите! — выкрикнул он, голос его дрожал, но в нём была решимость человека, которому нечего терять. — Я не сдамся! Я не позволю им снова...

Кристофер даже не замедлил шаг. Он просто шёл вперёд, спокойно, размеренно, будто не видел в этом человеке угрозы.

— Ты уже сдался, — тихо сказал он, останавливаясь в нескольких шагах от мага. — Ты просто ещё не понял этого.

Маг дёрнулся, будто хотел бросить в него пламя, но воздух здесь был слишком влажным, а руны на медальоне Кристофера тянули силу, как корни тянут воду. Пламя вспыхнуло и тут же погасло, оставив после себя только запах горелой ткани и горькое осознание поражения.

— Пожалуйста, — прошептал маг, и его голос уже не был грозным. Он был голосом человека, который понял, что конец неизбежен. — У меня жена. Ребёнок. Они не виноваты...

Элизни сделала шаг вперёд, будто хотела что-то сказать, но Кристофер остановил её одним взглядом. Не жестоким, не злым — просто холодным, как лёд, который не спрашивает, больно ли камню, когда его сковывает.

— Мы не за ними, — спокойно произнёс Кристофер. — Мы за тобой. И если ты не будешь сопротивляться, они оста-

нутся живы. Сенат не интересуется семьями. Ему нужны головы.

Маг посмотрел на него, потом на Элизни, будто искал в её глазах хоть каплю сочувствия. Но она смотрела на него без выражения. Она знала: сочувствие здесь ничего не изменит.

— Хорошо, — наконец прошептал маг, опуская кусок железа. Тот глухо ударился о пол, и этот звук прозвучал как капитуляция. — Я пойду с вами. Только... только пообещайте, что с ними ничего не случится.

Кристофер не обещал. Он просто кивнул, будто принимая условия сделки, в которой не было равных сторон.

— Свяжи его, — коротко бросил он Элизни.

Она вздрогнула, будто эти слова ударили её сильнее, чем любой клинок. Но она подошла к магу, достала из кармана верёвку с руническими узлами — такую же, как те, что сдерживали её магию, — и начала связывать его руки. Её пальцы двигались быстро, уверенно, будто она уже делала это раньше. Может, и делала. В этом мире выживали те, кто умел приспособливаться.

Когда маг был связан, Кристофер взял его за плечо и повёл к выходу. Тот шёл покорно, без сопротивления, будто вся его сила ушла вместе с последней попыткой бросить пламя.

— Ты доволен? — тихо спросила Элизни, когда они вышли на улицу, где дождь уже начал смывать грязь с камней. В её голосе не было вызова. Только усталость и горечь. — Ещё одна голова для Сената. Ещё одна семья, которая будет

ждать и надеяться.

Кристофер остановился и посмотрел на неё. Его взгляд был таким же тяжёлым, как небо над трущобами.

— Я не доволен, — спокойно ответил он. — Но я делаю то, что должен. И ты тоже.

— Это не оправдание, — прошептала она.

— Это факт, — ровно сказал он. — И пока ты со мной, ты будешь сталкиваться с фактами. Не с мечтами.

Где-то вдалеке раздался крик — резкий, отчаянный, будто кто-то только что понял, что потерял самое дорогое. Кристофер не вздрогнул. Он просто крепче сжал рукоять клинка и повёл их дальше, туда, где ждали новые имена, новые лица, новые истории, которые должны были закончиться одинаково.

Потому что в этом мире конец почти всегда был один. И Кристофер знал его лучше, чем кто-либо другой.

Дождь усилился, превратив узкие улочки трущоб в мутные ручьи. Вода стекала по крышам, срывалась с карнизов тяжёлыми каплями и разбивалась о камни, поднимая едкую, гнилостную взвесь. Маг огня, которого Кристофер вёл, споткнулся на скользком камне, но не упал — Кристофер удержал его за плечо, не с заботой, а так, будто держал мешок, который нельзя уронить.

— Пожалуйста... — снова прошептал маг, голос его дрожал, смешиваясь с шумом дождя. Он не смотрел на Кристофера. Он смотрел на Элизни, в её глазах пытаясь найти хоть

каплю сочувствия, как утопающий ищет соломинку. — Вы же тоже маг... вы понимаете... Если вы скажете им, что я не опасен... если вы просто скажете...

Элизни на мгновение замерла. Её пальцы чуть дрогнули, будто она хотела шагнуть к нему, сказать хоть что-то, что не было бы приказом или угрозой. Но она знала: любое слово сейчас будет истолковано не как милосердие, а как слабость. А слабость здесь не прощали.

— Не трать силы на мольбы, — холодно оборвал Кристофер, не давая ей шанса открыть рот. — Сенат не торгуется. И я не посредник.

— Но она ведь тоже из наших! — выкрикнул маг, и в этом крике прорвалась последняя вспышка отчаяния. — Она поймёт! Она не может просто стоять и смотреть, как меня уведят!

Кристофер резко остановился. Звук его сапог, врезавшихся в мокрую грязь, прозвучал как удар. Он медленно повернулся к магу, и в его взгляде не было гнева — только ледяная усталость человека, которому приходится объяснять очевидное.

— Она ничего не решает, — тихо, но так, что каждое слово било, как хлыст, произнёс он. — Здесь решаю я. И пока я говорю «идём», ты идёшь. Пока я говорю «молчи», ты молчишь. Понял?

Маг сжал губы, будто пытался удержать внутри себя все слова, которые могли стоить ему ещё большего. Он кивнул,

не поднимая глаз.

— Вот и хорошо, — сухо бросил Кристофер. — Меньше слов — меньше проблем.

Элизни сжала кулаки, ногти впились в ладони, но она не издала ни звука. Она знала, что если сейчас заговорит, если скажет хоть слово в защиту этого человека, Кристофер воспримет это не как просьбу, а как вызов. А вызов он пресекал быстро и жёстко.

— Ты не имеешь права так с ним обращаться, — наконец тихо, почти шёпотом, сказала она, глядя не на мага, а на Кристофера, будто пыталась найти в его лице хоть намёк на человечность.

— Имею, — спокойно ответил он, не оправдываясь, не повышая голоса. — Потому что я знаю, чем заканчиваются такие разговоры. Ты скажешь «он не опасен». Потом кто-то другой скажет «он просто хотел помочь». А потом город снова будет гореть, и люди будут кричать, потому что магия, которую не держат в узде, всегда находит способ вырваться. Я не даю ей этого шанса.

— Значит, ты просто боишься, — процедила Элизни, и в её голосе не было прежней бравады, только горькая усталость. — Боишься, что если ты хоть раз проявишь слабость, всё рухнет.

Кристофер чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что за ними скрывалось.

— Я боюсь не слабости, — ровно произнёс он. — Я боюсь

последствий. А они не спрашивают, сколько тебе лет, какая у тебя история и сколько раз ты пытался сделать правильно. Они просто приходят. И забирают всё.

Маг снова попытался что-то сказать, но Кристофер одним движением остановил его — не ударом, не криком, а просто взглядом, тяжёлым, как каменная плита.

— Ещё слово, — тихо произнёс он, и в этом «ещё» звучала угроза, которую не нужно было озвучивать. — И я заткну тебя так, что ты забудешь, как вообще говорить.

Маг побледнел и снова опустил голову. Дождь стекал по его лицу, смешиваясь с каплями пота, и казалось, что он плачет, хотя слёз не было.

Они свернули в узкий переулок, где стены домов почти смыкались над головой, и воздух становился густым, тяжёлым. Здесь пахло не только сыростью, но и страхом — тем самым, который въедается в камни и остаётся там навсегда. Впереди виднелся проход к набережной, где их уже ждала лодка, чтобы переправить мага на островную тюрьму Сената.

Когда они вышли к воде, ветер ударил им в лицо, срывая капюшоны и обнажая лица. Лодка покачивалась на волнах, и её силуэт казался почти призрачным в серой пелене дождя. На борту стояли стражники — молчаливые, неподвижные, как статуи, готовые принять новую добычу.

Один из них шагнул к Кристоферу, чтобы забрать мага, но Кристофер жестом остановил его.

— Сам, — коротко бросил он. — Пока не сдам лично, он остаётся под моей ответственностью.

Стражник кивнул и отступил, будто даже он чувствовал, что с Кристофером лучше не спорить.

Кристофер подтолкнул мага к лодке, и тот, спотыкаясь, начал спускаться по шатким ступеням. В этот момент он снова обернулся к Элизни, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность за то, что она хотя бы не отвернулась.

— Спасибо, что не смотрела сквозь меня, — тихо прошептал он, прежде чем ступить на борт. — Это уже кое-что.

И в этот момент Кристофер резко схватил Элизни за локоть, не грубо, но так, что она не могла вырваться. Он притянул её к себе, не для того чтобы обнять, а чтобы заставить посмотреть ему в глаза.

— Больше никаких «кое-что», — тихо, но отчётливо произнёс он, так, чтобы слышал только она. — Здесь нет места для полумер. Либо ты со мной, либо ты против меня. А если ты против — я не буду тебя останавливать. Я просто сделаю так, чтобы ты не смогла ничего изменить.

Элизни побледнела, но не отвела взгляда. Она знала: он не угрожает. Он просто констатирует факт.

— Я с тобой, — прошептала она, и эти слова дались ей тяжелее, чем любое заклинание. — Но это не значит, что я согласна.

— Мне не нужна твоя согласие, — цинично усмехнулся Кристофер. — Мне нужна твоя точность. Твоя логика. Твоя способность видеть, где прячется опасность. Остальное меня не интересует.

Лодка отчалила, унося мага в серую пелену дождя, и вскоре его фигура растворилась в тумане, став просто ещё одной тенью среди множества других.

Кристофер отпустил локоть Элизни и снова посмотрел на воду, будто проверял, не осталось ли на поверхности следов.

— Следующий в списке — маг земли, — спокойно произнёс он, будто только что не отправил человека на верную гибель. — Он прячется в старых каменоломнях. Там руны почти не работают. Будет сложнее.

Элизни глубоко вдохнула, пытаясь удержать внутри себя ту бурю, которая рвалась наружу.

— И что ты хочешь от меня там? — тихо спросила она, голос её звучал ровно, но в нём слышалась усталость.

— То же, что и здесь, — ответил Кристофер. — Чтобы ты видела то, чего не вижу я. Чтобы ты нашла лазейку. И чтобы ты не забывала, зачем ты здесь.

Он повернулся и пошёл прочь, оставляя её стоять у кромки воды, где дождь смывал с камней всё, кроме следов, которые невозможно стереть.

А Элизни смотрела ему вслед и понимала: она действительно с ним. Но это не союз. Это сделка, в которой у неё не было права на отказ. И каждый её шаг теперь был не просто

движением — он был выбором, который она вынуждена была делать снова и снова, даже если каждый из них разрывал её изнутри.

Элизни стояла у кромки воды, пока лодка с магом огня не растворилась в серой пелене дождя. Её пальцы до белизны сжимали край плаща, будто ткань могла удержать в себе хоть каплю той силы, которой ей так отчаянно не хватало. Но сила молчала. Руны Кристофера высасывали магию из воздуха, превращая её стихию в бессильный шёпот, который даже она сама едва слышала.

В груди всё сжималось от горького, колючего понимания: она ничем не могла ему помочь. Ни словом, ни делом, ни даже взглядом, который он так жадно искал в последние секунды. Она могла лишь не отвернуться — и это казалось ей теперь не актом милосердия, а жалкой подачкой, которую она швырнула ему, как кость голодному псу.

«Я с тобой», — сказала она Кристоферу. Но эти слова теперь звенели в её голове не как выбор, а как приговор. Она шла рядом с тем, кто ломал чужие судьбы с той же спокойной уверенностью, с какой сапогами давил лужи на мостовой. И самое страшное — она сама указывала ему путь. Сама подсказывала, где прячутся те, кто доверял своей магии, как щиту.

Элизни закрыла глаза, пытаясь удержать внутри себя бую, которая рвалась наружу. Перед внутренним взором вставали лица: маг огня, его дрожащие руки, его тихий шёпот:

«Спасибо, что не смотрела сквозь меня». Это «спасибо» жгло сильнее любого пламени. Оно означало, что он понял: даже в ней не осталось надежды.

Она знала, что Кристофер прав в одном: здесь не было места для полумер. Если бы она попыталась вступить, если бы бросила хоть слово против его воли, он бы не стал кричать или угрожать. Он бы просто сделал так, чтобы она больше не могла ничего изменить. И тогда она стала бы не соучастницей, а пустым местом — тенью, которая даже не способна отбрасывать тень.

Но оттого, что она понимала правила этой игры, легче не становилось. Напротив, понимание делало вину тяжелее, словно на плечи накинули мокрый плащ, который с каждой секундой становился всё тяжелее.

Когда Кристофер снова двинулся вперёд, она пошла следом, не потому что хотела, а потому что не могла остаться там, у воды, где эхо его слов всё ещё звучало в её ушах.

— Следующий в списке — маг земли, — спокойно произнёс он, будто только что не отправил человека на верную гибель. — Он прячется в старых каменоломнях. Там руны почти не работают. Будет сложнее.

Эти слова ударили по нервам, как ледяной дождь по обнажённой коже. Каменоломни. Место, где магия земли чувствует себя как дома. Где камни помнят каждое заклинание, каждый шаг, каждый вздох. И где, возможно, у неё самой будет чуть больше силы. Но эта мысль не принесла облегче-

ния — лишь добавила тяжести. Потому что если у неё будет сила, Кристофер найдёт способ её использовать. И она снова станет тем самым инструментом, который он так хладнокровно выбрал.

Внутри всё кричало от несправедливости, от бессилия, от того, что ей приходилось идти вперёд, зная, что каждый её шаг ведёт к новой клетке, новой цепи, новой судьбе, которую она помогает разрушить. Но крик этот был беззвучным. Он не прорывался наружу, потому что она боялась, что, если откроет рот, из него вырвется не слово, а стон — такой громкий, что его услышит даже Кристофер. А она не хотела, чтобы он слышал её слабость. Не хотела давать ему ещё одну причину смотреть на неё не как на равную, а как на сломанную вещь, которую всё ещё можно использовать.

Они шли по узким улочкам, где дождь смывал с камней грязь, но не мог смыть следы страха, въевшиеся в этот город. Элизни смотрела под ноги, чтобы не видеть лиц, мелькавших в проёмах дверей, — лиц, которые смотрели на неё с подозрением, с ненавистью, с молчаливым вопросом: «Ты одна из них? Ты помогаешь им забирать наших?»

И каждый такой взгляд впивался в неё, как заноза, которую невозможно вытащить.

Кристофер шёл впереди, прямой и неподвижный, будто сам был высечен из камня. Он не оглядывался, не проверял, идёт ли она за ним. Он знал: она идёт. Потому что у неё не было выбора. Потому что он позаботился о том, чтобы вы-

бора не осталось.

И в этот момент Элизни вдруг поняла одну страшную вещь: самое жестокое в его методах было не в приказах, не в угрозах, не в холодном взгляде. Самое жестокое было в том, что он заставлял её самой принимать решения, которые ломали ей душу. Он не заставлял её указывать на магов — он давал ей иллюзию, что она делает это по своей воле. И от этой иллюзии было больше всего.

Ветер рванул капюшон, обнажая её светлые волосы, и она поспешно натянула его обратно, будто хотела спрятаться не от дождя, а от собственных мыслей.

«Каменоломни», — повторила она про себя, как мантру, как попытку зацепиться за что-то реальное в этом кошмаре. Там будет сложнее. Там магия будет сильнее. Там, возможно, появится шанс...

Но даже эта мысль оборвалась, не успев расцвести. Шанс для кого? Для мага земли, которого она снова поможет поймать? Или для себя — чтобы наконец найти способ вырваться, не став при этом такой же безжалостной, как Кристофер?

Она не знала ответа. И это незнание жгло изнутри, как лёд, который проникает под кожу и сковывает каждую жилку.

А впереди уже темнели очертания старого карьера — чёрные, бездонные, похожие на распахнутую пасть, готовую поглотить всё, что попытается туда войти. Кристофер замедлил шаг, будто прислушиваясь к тишине, которая сгущалась

вокруг, становясь почти осязаемой.

— Держись ближе, — коротко бросил он, не оборачиваясь. — В каменоломнях свои правила. И свои ловушки.

Элизни кивнула, хотя он не видел этого. Она подошла чуть ближе, не потому что искала защиты, а потому что боялась, что в этой тишине её собственные мысли станут слишком громкими.

И они вошли в тень карьера — туда, где камень помнил всё, а вода, казалось, шептала предупреждения, которые никто не хотел слышать.

Кристофер ступил в каменоломню, и тишина ударила его, как удар в грудь. Не та тишина, что бывает в пустых комнатах, а тяжёлая, древняя, будто сам камень здесь научился слушать и запоминать. Воздух пах пылью, сыростью и чем-то ещё — тем самым запахом магии, который в других местах он выжигал рунами, а здесь приходилось терпеть. В каменоломнях его сила работала хуже: камень гасил хаос, возвращая его обратно, как зеркало отражает свет.

Он шёл вперёд, не замедляя шага, но каждый его жест был выверен до миллиметра — рука чуть ближе к рукояти клинка, взгляд скользит по трещинам в стенах, по нагромождению обломков, по теням, которые казались чуть плотнее, чем должны быть. Кристофер знал: маг земли не станет драться

в открытую. Он будет прятаться в самом камне, сливаться с ним, ждать, пока враг сделает первый неверный шаг. И каменоломня была его крепостью.

Элизни держалась рядом, но не вплотную — будто боялась, что одно лишнее движение выдаст их обоих. Её лицо было бледным, почти серым в этом тусклом свете, и в глазах читалось то, чего Кристофер терпеть не мог видеть у союзников: напряжение, готовое в любой момент сорваться в панику. Но он не стал её успокаивать. Успокоение здесь было роскошью, а он не благотворитель.

— Держи дистанцию, — коротко бросил он, не оборачиваясь. — Если пол уйдёт из-под ног, у тебя будет секунда, чтобы среагировать. Не трать её на крики.

Она хотела что-то ответить — он видел, как дёрнулись её губы, как в глазах вспыхнул привычный циничный огонёк. Но она сдержалась. Просто кивнула, и этот кивок сказал ему больше, чем любые слова: она поняла, что сейчас не время для колкостей.

Они прошли ещё несколько шагов, и каменоломня раскрылась перед ними, как пасть. Узкие проходы расходились в стороны, как трещины, и каждый из них мог вести либо к магу, либо в ловушку. Кристофер остановился, прислушиваясь не к звукам — их здесь почти не было, — а к тому, как меняется воздух. Он чувствовал, как магия шевелится в камне, как земля готовится принять удар.

И в этот момент пол под Элизни дрогнул.

Не просто дрогнул — он рассыпался, как сухая глина, и она провалилась вниз, в узкий лаз, который до этого момента был скрыт плитой. Кристофер рванулся вперёд, но было поздно: плита уже встала на место, отрезая путь. Сверху посыпалась каменная крошка, ударяя по плечам, по лицу, царапая кожу.

Кристофер замер на секунду, только на одну, чтобы оценить ситуацию. Никакой паники. Никакой суеты. Только холодный расчёт.

— Элизни! — рявкнул он, голос его ударил по стенам и вернулся эхом. — Ответь!

Тишина. Потом — глухой стук, будто кто-то ударился о камень, и тихий, сдавленный выдох.

— Я здесь, — донёсся её голос, низкий, напряжённый, но без паники. — Но тут... тут тесно. И темно.

Кристофер прищурился, глядя на плиту. Обычная магия здесь не сработает — камень поглотит любую вспышку. Но у него были свои методы. Он достал небольшой кинжал с руническим лезвием, присел и провёл остриём по краю плиты, вычерчивая символы, которые не светились, но заставляли камень «помнить», что его сдвинули. Плита дрогнула, потом медленно, с противным скрежетом, сдвинулась в сторону.

Внизу, в узком проходе, стояла Элизни. Её плащ был покрыт пылью, на щеке темнела царапина, но она держалась прямо, будто падение в ловушку было просто очередной неприятностью, которую нужно пережить.

— Ты мог бы предупредить, что тут пол проваливается, — процедила она, поднимаясь по обломкам. Голос её звучал ровно, но в нём звенела злость — не на него, а на ситуацию, на этот проклятый камень, на весь мир, который сегодня явно был против неё.

— Я не ясновидец, — сухо ответил Кристофер, помогая ей выбраться. — Здесь каждый кусок камня — потенциальная ловушка. Рассчитывай на худшее.

Она фыркнула, стряхивая пыль, но в этом фыркание не было прежней язвительности — только усталость и раздражение.

— Спасибо, что вытащил, — бросила она, не глядя на него. — Но в следующий раз дай мне знать, когда будешь рисовать свои руны. А то я чуть не подумала, что ты решил меня тут оставить.

— У меня нет времени на предупреждения, — цинично усмехнулся Кристофер. — Если бы я предупреждал обо всех опасностях, мы бы до сих пор стояли у входа.

Она только покачала головой, но спорить не стала. Вместо этого она огляделась, и её взгляд зацепился за трещину в стене, из которой сочилась тонкая струйка воды — редкость для каменоломни. Элизни протянула руку, и вода послушно собралась в каплю, повисла на кончике пальца, дрожа от напряжения.

— Здесь есть вода, — тихо сказала она, будто сама удивляясь этому. — Значит, я смогу... хоть что-то.

Кристофер кивнул. Он не стал напоминать, что руны на его медальоне всё ещё тянут силу, пусть и слабее. Пусть она думает, что у неё есть шанс. Надежда — это тоже инструмент, если уметь им пользоваться.

Но он не успел ничего сказать.

Пол снова дрогнул, но на этот раз не под Элизни, а под ним. Камень под сапогами треснул, и Кристофер почувствовал, как земля пытается его удержать, как корни, которых не должно быть в каменоломне, обвивают его ноги, тянут вниз, в темноту. Он рванулся в сторону, но хватка была железной, холодной, живой.

— Кристофер! — выкрикнула Элизни, и в этом крике не было ни насмешки, ни цинизма — только острая, внезапная тревога.

Он хотел отмахнуться, сказать что-то жёсткое, напомнить, что он сам себя вытащит. Но корни уже тянули его вниз, и каждый рывок только усиливал хватку.

Тогда Элизни сделала то, чего он не ожидал.

Она не стала тратить время на заклинания. Не стала искать красивые решения. Она просто шагнула к нему, схватила за руку и потянула — с такой силой, что он едва не потерял равновесие, но хватка земли ослабла, будто камень удивился этому простому, грубому действию. А потом она подняла свободную руку, и капля воды, висевшая на её пальце, взорвалась паром, ударив в корни, заставляя их съёживаться от жара и влаги.

Камень застонал, будто живой, и отпустил Кристофера. Он отлетел в сторону, тяжело дыша, и на мгновение прикрыл глаза, чтобы вернуть себе привычную холодную ясность.

— Неплохо, — хрипло произнёс он, выпрямляясь. Голос звучал жёстко, как всегда, но в нём проскользнуло что-то новое — не благодарность, нет, Кристофер не умел её показывать, но признание того, что она оказалась полезнее, чем он ожидал.

— Рада, что ты оценил, — выдохнула Элизни, опуская руку. Её пальцы дрожали, и она сжала их в кулак, чтобы скрыть это. — Но давай договоримся: в следующий раз ты не наступаешь на подозрительные плиты.

— Договорились, — сухо кивнул он. — Но учти: здесь подозрительна каждая плита.

Где-то в глубине каменоломни раздался тихий, почти неслышный звук — будто камень вздохнул. Это был не случайный треск. Это был сигнал. Маг земли давал понять, что он всё ещё здесь. И что игра только начинается.

Кристофер посмотрел на Элизни. В её глазах не было страха, только упрямое, колючее желание не сдаваться. И он вдруг понял одну вещь: она не была его инструментом. Не совсем. Она была таким же хищником, загнанным в угол, как и он сам. И сейчас они оба охотились не на мага — они охотились на возможность выжить.

— Дальше идём вместе, — резко сказал он, не давая ей шанса возразить. — Никаких одиночных вылазок. Если он

снова попытается нас разделить — мы не дадим ему этого шанса.

— Хорошо, — кивнула она, и в её голосе не было ни вызова, ни покорности. Только готовность принять правила этой жестокой игры.

Они двинулись дальше, туда, где камень дышал магией, где каждый шаг мог стать последним, а каждый вдох — подарком, который придётся отрабатывать кровью.

И Кристофер знал: этот маг земли не будет лёгкой добычей. Но и они с Элизни уже не были теми, кем были вчера. Теперь между ними была не только сделка. Теперь между ними было что-то ещё — хрупкое, неудобное, но необходимое. Взаимное спасение. И в этом мире, полном ловушек и предательств, даже такая мелочь могла стоить жизни.

Они шли теперь не как охотник и добыча, не как начальник и подчинённая — а как два человека, которые слишком хорошо поняли: поодиночке здесь не выжить. Каждый шаг Кристофер проверял носком сапога, будто пытался угадать, что скажет камень, прежде чем тот решит его предать. Элизни держалась рядом, не отставая ни на полшага, и её взгляд скользил по стенам, выискивая малейшее движение — трещину, которая вдруг становится шире, тень, которая шевелится не от их шагов.

— Слева, — вдруг выдохнула она, когда они подошли к развилке, где пол уходил вниз, образуя пологий склон из битого камня. — Смотри: на тех плитах пыль лежит ровно, а на этой — будто её сдуло. Будто что-то шевелилось под ней.

Кристофер замер, не сводя глаз с указанной плиты. Он не стал спорить, не стал проверять «на прочность». Вместо этого он достал из-за пояса тонкий металлический прут и аккуратно поддел край плиты. Та дрогнула, но не провалилась — зато из щели вырвался короткий, резкий порыв воздуха, будто камень выдохнул.

— Ловушка, — тихо подтвердил он. — Под плитой полость. Если бы мы на неё наступили, пол ушёл бы из-под ног, и нас бы засыпало.

Элизни сжала губы, будто пыталась удержать внутри себя облегчение. Она не хотела радоваться тому, что угадала. Радость здесь казалась чем-то постыдным, почти предательским.

— Дальше только по краю, — коротко бросил Кристофер, указывая на узкую полосу вдоль стены, где камень был цельным, без трещин. — Держи дистанцию полметра от стены. Если камень начнёт двигаться — он пойдёт от центра.

Они двинулись вперёд, прижавшись к стене, будто пытаешься стать её частью. Шаги звучали глухо, почти неслышно, и от этого тишина вокруг казалась ещё тяжелее, будто сама каменоломня прислушивалась к ним, выжидая момент, когда они ошибутся.

И вдруг стена дрогнула.

Не просто дрогнула — она начала сдвигаться, медленно, с тяжёлым, скрежещущим звуком, будто кто-то огромный поворачивал гигантское колесо. Камень полз вперёд, отрезая им путь назад, перекрывая узкий проход. Элизни инстинктивно отшатнулась, но Кристофер схватил её за локоть, удержав от резкого движения.

— Не беги, — хрипло выдохнул он. — Бег здесь — это паника. А паника ломает кости быстрее камня.

Он отпустил её локоть, но только для того, чтобы достать рунический кинжал. В этот раз он не чертил символы на камне — он вонзил лезвие в стык между плитами, туда, где стена начинала движение, и провёл резкую, чёткую линию. Камень на мгновение замер, будто споткнулся, а потом снова двинулся, но уже медленнее, с натужным стоном.

— Это ненадолго, — процедил Кристофер. — Руна держит, но камень сильнее. Нам нужно пройти, пока он не нашёл другой путь.

Элизни посмотрела на узкий просвет, который оставался между стеной и противоположной плитой. Проход становился всё уже. Ещё минута — и они не смогут протиснуться.

— Вода, — вдруг сказала она, и голос её прозвучал неожиданно твёрдо. — Если я дам воде проникнуть в стыки, она может расширить трещины. Или, наоборот, если я её заморожу... лёд займёт место, и стена не сможет двигаться.

Кристофер на секунду задержал на ней взгляд, будто оце-

нивая не её идею, а её саму — насколько она готова заплатить за эту попытку.

— Делай, — коротко бросил он. — Но быстро.

Она кивнула, не тратя время на лишние слова. Опустившись на колено, приложила ладонь к холодному камню, и на мгновение Кристофер увидел то, чего не замечал раньше: не ярость, не презрение, а сосредоточенность, холодную и точную, как лезвие.

Из-под её пальцев просочилась тонкая струйка воды — не из воздуха, не из невидимого источника, а будто из самой её кожи, из той самой магии жизни, о которой она говорила с таким цинизмом. Вода побежала по стыкам, заполняя микротрещины, а потом Элизни резко, почти зло, выдохнула, и вода превратилась в лёд. Лёд хрустнул, расширяясь, и стена, которая уже почти сомкнулась, замерла, будто наткнулась на невидимую преграду.

Проход остался открытым — узким, но достаточным, чтобы протиснуться.

— Пошли, — выдохнул Кристофер и первым скользнул в щель. Он не оглядывался, но знал: Элизни идёт за ним. Не потому что он приказал, а потому что у них теперь была одна цель — выжить в этом каменном кошмаре.

Когда они выбрались на относительно ровную площадку, где свод поднимался выше, Кристофер остановился, чтобы перевести дыхание. Его пальцы всё ещё сжимали рукоять кинжала, будто он боялся, что камень снова нападёт, стоит

ему ослабить хватку.

— Ты хорошо работаешь под давлением, — сухо признал он, не глядя на Элизни. Это не было похвалой. Это была констатация факта, который мог однажды спасти им обоим жизнь.

— Спасибо, — процедила она, отряхивая пыль с плаща. В её голосе не было благодарности, только усталость и горькая усмешка. — Рада, что мои навыки полезны не только для побега, но и для того, чтобы помогать тебе ловить других.

Кристофер чуть склонил голову, будто принимая и эту колкость, и её усталость.

— Здесь нет места для красивых слов, — спокойно ответил он. — Есть место только для правильных действий. Ты сделала правильное. Этого достаточно.

Где-то впереди раздался новый звук — не скрежет камня, а тихий, ритмичный стук, будто кто-то отбивал такт по твёрдой поверхности. Стук был ровным, выверенным, и от него по коже бежали мурашки, потому что он не был случайным. Это был вызов.

— Он там, — прошептала Элизни, указывая вперёд, туда, где коридор расширялся в небольшую круглую камеру, стены которой были покрыты странными, выпуклыми узорами — будто камень сам вырос в этих формах. — Чувствуешь? Воздух здесь... гуще. Как будто сам камень дышит.

Кристофер кивнул. Он чувствовал. Не магию — нет, руны на его медальоне всё ещё гасили яркие всплески. Он чув-

ствовал напряжение, которое висело в воздухе, как перед грозой. Маг земли не прятался. Он ждал. И он хотел, чтобы они это поняли.

— Держись за мной, — тихо приказал Кристофер, и в этот раз в его голосе не было циничной жёсткости. Только холодная необходимость. — Если он обрушит свод, у нас будет секунда, чтобы среагировать.

— А если он обрушит его на тебя? — так же тихо, почти шёпотом, спросила Элизни. И в этом вопросе не было вызова. Только горькая правда, которую они оба старались не замечать: теперь их жизни были связаны не приказом и не угрозой, а тем, что каждый из них мог стать единственной причиной, по которой другой останется жив.

— Тогда ты вытащишь меня, — ровно ответил Кристофер, не оборачиваясь. — Как я вытащил тебя. Мы теперь в расчёте. Пока не закончится эта охота.

Она хотела что-то сказать — может быть, снова бросить колкость, чтобы спрятать за ней эту новую, неудобную правду. Но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула, и этот кивок был крепче любого обещания.

Они шагнули в камеру.

Свод над ними дрогнул, будто камень улыбнулся.

А в центре, окружённый невысокими каменными столбиками, стоял маг земли. Он не держал оружия. Ему оно было не нужно. Его оружием был сам камень — его тяжесть, его холод, его безжалостная, древняя сила.

Маг смотрел на них, и в его глазах не было ни страха, ни ненависти. Только спокойное, почти равнодушное понимание: он знал, что пришёл конец. Но он также знал, что не уйдёт без следа.

— Вы думаете, что победили, — тихо произнёс он, и его голос звучал так, будто доносился из-под земли. — Но камень помнит всё. И он отомстит за меня.

Кристофер не ответил. Он просто сделал шаг вперёд, готовый встретить то, что должно было случиться.

А Элизни встала рядом с ним — не позади, не в укрытии, а плечом к плечу. Не как пленница. Не как инструмент. А как тот, кто знает: если сейчас они не будут держаться вместе, камень поглотит их обоих.

И каменоломня замерла, прислушиваясь к тишине, которая повисла между тремя людьми — и к той силе, которая вот-вот должна была вырваться на свободу.

3 глава

Маг земли не стал тратить время на новые слова. Он просто опустил ладони на камень, будто прижался к старому другу, и каменоломня отозвалась.

Свод над ними содрогнулся, и с потолка сорвались тяжёлые каменные осколки — не беспорядочно, а словно по команде, целясь точно в Кристофера и Элизни. Кристофер рванулся в сторону, выхватывая клинок, и одним резким движением отбил ближайший валун — металл лязгнул о камень, и по лезвию пробежала короткая вспышка рун. Но отбивать каждый осколок он не мог: их становилось всё больше, они сыпались градом, превращая воздух в смертельную мешанину пыли и острых граней.

Элизни вскинула руки, и из трещин в полу вырвалась вода — не поток, а сотни тонких струй, которые тут же застыли в ледяные щиты. Щиты трескали под ударами камней, но держали, хоть и на секунды. Она знала: если лёд треснет, осколки пройдут сквозь него, как сквозь стекло.

— Не стой на месте! — рявкнул Кристофер, и голос его потонул в грохоте. Он не просил, не уговаривал — он вбивал приказ, как гвоздь, чтобы она не успела испугаться. — Двигайся!

Она рванулась вперёд, пригибаясь, скользя по мокрому камню, и в этот момент пол под Кристофером вспучился,

будто земля зевнула. Из него вырвался каменный шип — толстый, неровный, с острыми краями, он пробил воздух там, где Кристофер стоял секунду назад. Кристофер перепрыгнул его, но приземлился неудачно: нога скользнула, и он на мгновение потерял равновесие. Этого мгновения хватило.

Стена справа от него пошла трещинами и обрушилась широкой плитой, отрезая его от Элизни. Она закричала — не от страха, а от ярости, потому что крик был единственным, что она могла сейчас сделать.

— Кристофер!

Он не ответил. Вместо этого он ударил по плите руническим кинжалом, но на этот раз руна не сработала: камень здесь был слишком «сытым» магией, он поглощал её, как сухая земля впитывает дождь. Кристофер выругался сквозь зубы, коротко, жёстко, и тут же пригнулся — над его головой пронеслась каменная волна, не цельный валун, а целый фронт камня, который двигался, как прибой.

В этот момент Элизни поняла: они больше не охотятся. Они выживают.

Она метнулась вдоль стены, туда, где плита ещё не сошлась до конца, и швырнула в щель ледяную глыбу. Лёд ударил в стык, треснул, но успел задержать движение камня на долю секунды. Этой доли хватило Кристоферу, чтобы проскочить. Он вылетел из-за плиты, прижимая плечо — на плаще темнело пятно, но он не смотрел на него. Он смотрел

на мага земли.

Маг стоял неподвижно, будто сам стал частью каменоломни. Его руки по локоть ушли в камень, пальцы срослись с прожилками кварца, и казалось, что не он управляет камнем, а камень управляет им. Он даже не дышал тяжело — он дышал в такт каменоломне, как единое существо.

— Ты не уйдёшь отсюда, — хрипло произнёс Кристофер, вытирая пыль с лица тыльной стороной ладони. В его голосе не было угрозы — только холодная констатация факта. — Даже если ты обрушишь на нас весь этот карьер.

Маг земли чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к чему-то глубже.

— Я не хочу уходить, — спокойно ответил он. — Я хочу, чтобы вы поняли: камень не прощает. Он запоминает каждый шаг, каждое слово, каждую каплю крови. И когда вы уйдёте, он всё равно возьмёт своё.

И в тот момент, когда Кристофер уже шагнул вперёд, чтобы сократить дистанцию, маг резко дёрнул пальцами.

Пол между ними взорвался.

Не в прямом смысле — он не вспыхнул, не загорелся, он просто перестал быть полом. Из него выросли десятки каменных шипов, они пронзали воздух, сплетались в колючую стену, которая разделила Кристофера и мага, но одновременно отрезала и Элизни, оставив её по ту сторону, где камень рос быстрее, где магия земли чувствовала себя дома.

Элизни отшатнулась, но поздно: один из шипов зацепил

край её плаща, рванул ткань и чуть не сбил её с ног. Она упала на колени, и в ту же секунду камень под ней начал подниматься, формируя вокруг неё каменную клетку — не грубую, а почти изящную, с зазорами, через которые можно было видеть, но нельзя было выбраться.

— Элизни! — Кристофер рванулся к ней, но шипы перед ним сомкнулись, как зубы ловушки. Он ударил по ним клинком, но камень не поддавался. Руны шипели, но гасли, поглощённые магией земли.

— Не трать силы! — крикнула она, поднимаясь на ноги внутри клетки. Голос её звучал твёрдо, но в нём звенела паника, которую она пыталась спрятать. — Он тянет магию из всего! Даже из твоих рун!

Кристофер замер, только на секунду, чтобы перевести дыхание и вернуть себе ледяную ясность. Он знал: паника здесь убивает быстрее камня.

Маг земли медленно поднял свободную руку, и каменные шипы вокруг Элизни начали сдвигаться, сужая пространство. Ещё немного — и клетка станет не клеткой, а саркофагом.

— Остановись! — рявкнул Кристофер. — Ты же видишь: она не враг! Она такая же, как ты!

— Она выбрала сторону, — спокойно ответил маг. — А камень не знает жалости к тем, кто предал его стихию.

Элизни прижала ладони к холодным стенкам своей тюрьмы. Вода сочилась из её пальцев, но камень жадно пил её,

превращая в пар, в ничто. Она пыталась заморозить стыки, но лёд не успевал схватиться — камень тут же крошил его изнутри.

Тогда она сделала то, чего не делала никогда.

Она не пыталась сломать камень. Не пыталась его заморозить. Она позволила воде стать тонкой, почти невидимой плёнкой, и направила её туда, где шипы сходились — в самые слабые точки. А потом резко, до хруста в суставах, выдохнула холод.

Лёд не вырос — он пророс. Тонкие, острые иглы льда впились в стыки между каменными шипами, расширяя микротрещины. Камень застонал, будто его ударили изнутри, и шипы дрогнули. Один из них треснул, другой сдвинулся, открывая узкий проход.

Элизни рванулась вперёд, не оглядываясь, не проверяя, держится ли клетка. Она просто бросилась в эту щель, и камень, будто обиравшись, попытался сомкнуться за её спиной. Но Кристофер был там.

Он не стал ждать. Он ударил клинком не по камню, а по воздуху — по самой границе магии, туда, где хаос рун мог столкнуться с порядком земли. Вспышка не была яркой, она была глухой, тяжёлой, как удар молота. Камень дрогнул и отступил, не потому что испугался, а потому что на мгновение потерял ритм.

Элизни выскочила из клетки, врезалась в Кристофера, и они оба пошатнулись, но устояли.

— Дальше вместе, — выдохнул он, хватая её за локоть, но не для того, чтобы удержать, а чтобы она почувствовала: он здесь. — Никаких разделений.

— Никаких, — процедила она, вытирая кровь с разбитой губы. В её глазах не было слёз, только злость — на мага, на камень, на эту проклятую каменоломню... и на себя, за то, что ей снова пришлось выживать.

Маг земли смотрел на них, и впервые в его спокойных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или на печаль.

— Вы упрямы, — тихо произнёс он. — Но упрямство не спасает от камня. Оно только продлевает боль.

Кристофер не ответил. Он просто шагнул вперёд, ведя за собой Элизни, не отпуская её локоть, будто теперь это был не захват, а якорь.

— Давай закончим это, — ровно сказал он, и в его голосе не было ни угрозы, ни гнева. Только усталость человека, который слишком долго сражался с тем, что нельзя победить силой. — Ты знаешь, что у тебя нет выхода. Сенат не даст тебе пощады. Но я могу сделать так, чтобы тебя не убили на площади. Если ты сдашься сейчас.

Маг земли опустил руки, и камень вокруг него на мгновение затих, будто тоже ждал ответа.

— Пощада — это иллюзия, — спокойно произнёс он. — Но я устал сражаться с теми, кто просто выполняет приказ. Я пойду с тобой. Не ради себя. Ради тех, кто останется здесь. Пусть камень запомнит, что я не сражался до конца.

Кристофер кивнул, не как победитель, а как человек, который понимает цену этой капитуляции.

— Хорошо, — коротко бросил он. — Тогда идём. И не пытайся снова играть с камнем. В следующий раз я не буду так осторожен.

Они двинулись к выходу, и каменоломня провожала их тишиной, тяжёлой и древней, будто сама земля шептала: «Я запомнила».

А Элизни шла рядом с Кристофером, чувствуя, как её пальцы всё ещё дрожат, и понимала: сегодня они не победили. Сегодня они просто выжили. И этого было достаточно — пока.

Они шли к выходу из каменоломни цепочкой: впереди Кристофер, за ним Томас, а позади — Элизни. Шаги гулко отдавались в опустевших галереях, и казалось, будто сама каменоломня теперь не угрожала, а просто наблюдала, как её защитник уходит. Пыль оседала, камни больше не шевелились, но воздух оставался тяжёлым, будто пропитанным напряжением, которое не сгорало даже после боя.

Когда они выбрались на поверхность, серый свет дня ударил по глазам, как лезвие. Томас остановился, вдыхая сырой воздух так, будто впервые за долгое время ему позволили дышать свободно. Он не смотрел на Кристофера с ненави-

стью, но и не искал в нём союзника. В его взгляде читалось усталое понимание: он проиграл, но не сломался.

Кристофер не торопился. Он стоял, слегка расставив ноги, будто всё ещё ждал подвоха, и смотрел на Томаса так, словно пытался разглядеть в нём не человека, а следующий ход противника.

— Ты умеешь драться, — наконец произнёс Кристофер, и это не было похвалой. Это был холодный расчёт: он оценивал, насколько полезным может быть тот, кого он только что едва не убил. — И ты знаешь эти места. Ты знаешь, где прячутся другие. Где их слабые места. Сенат не простит тебе бунта, но я могу сделать так, что тебя не выставят на площадь как пример.

Томас чуть склонил голову, будто взвешивал каждое слово, как монеты на весах.

— Я не хочу быть примером, — спокойно ответил он. — Но я не стану и ищейкой, которая сдаёт своих.

— У тебя нет выбора, — цинично усмехнулся Кристофер, но в этой усмешке не было веселья. Только привычная горечь человека, который слишком часто слышал, как другие пытаются торговаться с неизбежным. — Выбор был раньше. Когда ты поднимал камень против Сената.

— Выбор есть всегда, — ровно возразил Томас. — Даже если он между плохим и худшим. Я пойду с тобой. Но у меня есть условие.

Кристофер чуть прищурился, будто уже заранее не одоб-

рял это «условие».

— Говори.

— Не трогайте магов-ценителей, — твёрдо произнёс Томас. — Тех, кто не воюет. Тех, кто просто хранит знания, переплетает руны, учит детей чувствовать камень. Они не опасны. Они — память. Если ты хочешь, чтобы я помогал тебе находить тех, кто угрожает городу, я помогу. Но не проси меня указывать на тех, кто просто пытается сохранить то, что осталось.

Элизни тихо выдохнула, будто эти слова ударили её в самое уязвимое место. Она знала, что такое «память» в мире, где магия считалась угрозой. Знала, сколько таких «хранителей» уже исчезло без следа.

Кристофер помолчал. Слишком долго для того, чтобы это выглядело как лёгкое согласие. Он смотрел на Томаса, будто пытался увидеть за этими словами какой-то подвох, какую-то хитрость. Но видел только усталость и упрямую, почти каменную решимость.

— Сенат не любит условий, — наконец процедил он, и в его голосе прозвучала та самая жёсткость, которая не терпела возражений. — И я не люблю.

— Тогда я останусь здесь, — спокойно ответил Томас, не повышая голоса. — Пусть камень снова станет моей тюрьмой. Это не хуже, чем быть палачом для своих.

В воздухе повисла тишина, тяжёлая и неудобная, как старая броня. Кристофер стиснул рукоять клинка, будто хотел

выжать из неё хоть каплю уверенности. Он знал: если сейчас откажется, ему придётся либо убить Томаса здесь и сейчас, либо признать, что этот маг сильнее, чем казалось. А признавать слабость Кристофер не умел.

— Хорошо, — наконец бросил он, и эти два слова дались ему тяжелее, чем любой бой. — Я не буду трогать твоих «хранителей». Пока ты полезен. Пока ты не даёшь мне повода думать, что они готовят новый бунт.

Томас кивнул, будто принимая не милость, а тяжёлый, неудобный договор, в котором обе стороны знали, что могут предать друг друга в любой момент.

— Спасибо, — коротко произнёс он, и в этом «спасибо» не было благодарности. Только признание того, что сделка состоялась. — И... моё имя — Томас. Не «маг земли». Не «объект». Томас.

Кристофер на мгновение задержал на нём взгляд, будто примерял это имя, как примеряют новую маску.

— Томас, — повторил он, словно проверяя, не сломается ли слово на языке. — Тогда слушай внимательно. Ты будешь работать со мной. Ты будешь показывать мне то, что я не вижу. И ты будешь помнить: я не защитник. Я не спаситель. Я — человек, который убирает угрозы. Если ты увидишь угрозу — ты скажешь мне. Даже если она прячется за знаниями. Даже если она называет себя «памятью».

Томас снова кивнул, на этот раз без слов. Он понял правила. Понял, что «не трогать» не значит «защитить». Это зна-

чит лишь, что удар будет отложен. Возможно, до того момента, когда станет слишком поздно.

Они двинулись дальше, к городу, который ждал их, как ждёт охотник добычу, уже зная, что она не уйдёт. Элизни шла позади, стараясь не смотреть ни на Кристофера, ни на Томаса. Она чувствовала себя лишней в этом новом договоре, будто её роль уже была сыграна, а теперь её просто тащили следом, как ненужный, но удобный инструмент.

— Ты думаешь, это победа? — тихо спросила она у Кристофера, когда они свернули на более широкую тропу, где ветер уже нёс запахи города — дыма, пекарен, мокрой брусчатки. — Ты думаешь, ты его приручил?

Кристофер даже не обернулся. Он просто шёл вперёд, будто каждое слово могло сбить его с шага.

— Победа — это когда всё идёт по плану, — цинично бросил он. — А приручение... приручение — это иллюзия. Сегодня он с нами. Завтра он вспомнит, что камень помнит всё. И тогда мы снова будем драться. Но пока он полезен — пусть думает, что договорился.

— А если он не вспомнит? — упрямо спросила Элизни. — Если он действительно просто хочет защитить своих?

— Тогда он станет слабым, — ровно ответил Кристофер. — А в этом мире слабость — это приглашение к удару.

Она хотела возразить, хотела сказать что-то резкое, что обожгло бы его так же, как обожгла её эта сделка. Но слова застряли в горле. Потому что она знала: он не был жесток ра-

ди жестокости. Он был жесток, потому что считал это единственным способом выжить. И, возможно, в чём-то он был прав.

Томас шёл впереди, не оглядываясь, и его плечи были напряжены, будто он всё ещё чувствовал, как камень зовёт его назад. Но он не оборачивался. Он шёл вперёд — не к свободе, а к новому, ещё более хрупкому равновесию, в котором ему приходилось выбирать между тем, чтобы жить, и тем, чтобы остаться верным себе.

А Кристофер смотрел на него и думал о том, что любой союз — это просто отсрочка. И что рано или поздно камень всё равно потребует свою цену.

Замок Кристофера встретил их не гостеприимством, а тяжёлой, привычной тишиной — будто стены заранее знали, кого впускают, и не собирались притворяться, что рады гостям. Факелы в нишах горели ровно, без дрожи, отбрасывая длинные тени, которые скользили по каменным плитам, словно пытались убраться с дороги. Стражники у ворот не задавали вопросов: они просто скользнули взглядами по Томасу, запоминая его лицо, и снова застыли, как изваяния.

Томас шёл чуть позади, не пытаясь скрыть, что ему здесь неуютно. Он не смотрел по сторонам, не изучал резьбу на стенах и не вглядывался в портреты прежних хозяев. Он

смотрел вниз — на камень под ногами. И когда они оказались в главном холле, он остановился, будто достиг границы, дальше которой заходить не хотел.

— Мне нужна комната на первом этаже, — спокойно, но твёрдо произнёс он. — Ближе к земле. Если я буду слишком высоко, я... не смогу держаться.

Кристофер на мгновение задержал на нём взгляд, будто взвешивал, не является ли это требование попыткой найти лазейку для побега. Но потом коротко кивнул.

— Пусть будет на первом, — процедил он. — Но помни: окна под надзором. И коридоры тоже. Ты не гость. Ты — сотрудник Сената. Пока полезен.

Томас чуть склонил голову, принимая условия. В этом поклоне не было покорности — только холодная констатация: он знает, на что подписывается.

Элизни шла последней, будто пыталась держаться на расстоянии от этого нового, хрупкого союза. Её плащ был покрыт пылью каменоломни, а на щеке темнела царапина, которую она машинально касалась пальцами, будто проверяя, настоящая ли она. Когда они свернули в жилой коридор, она наконец решилась.

— А что с Элиасом? — тихо, почти шёпотом, спросила она, глядя не на Кристофера, а куда-то в сторону, будто боялась встретиться с ним взглядом. — Его... его уже казнили? Или...

Кристофер резко остановился. Звук его сапог по камню

прозвучал как удар. Он медленно повернулся к ней, и в его глазах не было ни раздражения, ни сочувствия — только та самая ледяная ясность, которая не оставляла места для иллюзий.

— Ты переживаешь за него? — цинично усмехнулся он, и эта усмешка была не доброй, а режущей, как лезвие. — За того, кто, пытаясь спасти свою дочь, создавал монстров, которые убивали других детей? За того, кто считал, что цель оправдывает любые средства, даже если эти средства — кровь тех, кто не мог дать отпор?

Элизни вздрогнула, будто он ударил её, а не просто произнёс слова. Она хотела возразить, хотела сказать, что Элиас не был монстром, что он просто любил свою дочь и пытался её спасти. Но слова застряли в горле, потому что Кристофер не дал ей шанса.

— Не надо делать из него мученика, — жёстко продолжил он, голос его звучал ровно, но от этой ровности становилось только холоднее. — Он знал, что делает. Он знал, какие последствия будут у его экспериментов. Он просто решил, что жизнь его дочери стоит больше, чем жизни всех тех детей, которых его создания разорвали в переулках. Это не отчаяние. Это эгоизм. И Сенат не прощает эгоизма, когда он убивает невинных.

— Но он же пытался помочь! — всё-таки вырвалось у Элизни, и в её голосе прозвучала та самая боль, которую она так старательно прятала. — Он не хотел, чтобы она умерла!

— Никто не хочет, чтобы те, кого он любит, умирали, — холодно ответил Кристофер. — Но не все ради этого превращают город в бойню. Элиас переступил черту. И теперь он расплачивается за это. Как и все, кто забывает, что сила — это не право, а ответственность.

Элизни сжала кулаки, ногти впились в ладони, но она не опустила глаз. Она смотрела на Кристофера, будто пыталась найти в нём хоть каплю понимания, хоть намёк на то, что он тоже когда-то кого-то терял и потому мог бы быть чуть мягче. Но в его взгляде не было ничего, кроме холодной уверенности в собственной правоте.

— Я не прошу тебя его оправдать, — тихо произнесла она, голос её звучал твёрже, чем она сама чувствовала. — Я просто хочу знать, что с ним.

Кристофер чуть склонил голову, будто оценивая, стоит ли вообще отвечать на этот вопрос.

— Его не казнили, — наконец бросил он. — Пока. Его держат в нижних камерах. Сенат хочет выжать из него все знания, какие можно. А потом... потом решат, что делать дальше. Но не питай иллюзий: милосердие там не в почёте.

Элизни кивнула, будто принимая не ответ, а приговор. Она не стала спрашивать, можно ли его увидеть, не стала умолять о снисхождении. Она просто поняла: здесь нет места для жалости. Здесь есть только расчёты и последствия.

Томас, который всё это время стоял чуть в стороне, не вмешиваясь в чужой разговор, вдруг тихо произнёс:

— Иногда люди делают ужасные вещи не потому, что хотят зла, а потому что не видят другого выхода.

Кристофер посмотрел на него так, будто впервые увидел в нём не союзника и не врага, а человека, который осмелился бросить тень на его чёрно-белую картину мира.

— Возможно, — ровно ответил он. — Но Сенат не судит по мотивам. Он судит по результатам. А результаты Элиаса — это мёртвые дети. Этого достаточно.

Томас не стал спорить. Он просто чуть склонил голову, признавая, что в этом споре ему не победить.

— Тогда мне действительно нужна комната на первом этаже, — спокойно повторил он. — Там, где я смогу чувствовать землю. Иначе я не смогу быть тем, кто вам нужен.

Кристофер снова кивнул, будто этот прагматизм был ему ближе, чем любые моральные рассуждения.

— Проводите его, — бросил он одному из слуг, который тихо стоял у стены, не привлекая к себе внимания. — И проследите, чтобы у него было всё необходимое. Но не забывайте: он под надзором.

Слуга поклонился и жестом пригласил Томаса следовать за собой. Томас бросил короткий взгляд на Элизни — не с сочувствием, а будто хотел сказать: «Я понимаю, почему тебе больно». А потом пошёл за слугой, ступая по каменным плитам так, будто каждый шаг был для него глотком воздуха.

Когда они остались вдвоём, Кристофер повернулся к Элизни. В его взгляде не было ни мягкости, ни желания уте-

шить.

— Не трать силы на жалость, — жёстко произнёс он. — Жалость здесь — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Если ты хочешь помочь тем, кто действительно невиновен, ты будешь делать то, что я скажу. Без вопросов. Без сомнений. Без попыток увидеть добро в тех, кто его давно потерял.

Элизни глубоко вдохнула, будто пытаюсь удержать внутри себя ту бурю, которая рвалась наружу. Она знала, что он прав. Знала, что если она позволит себе жалеть каждого, кого они ловят, она сломается задолго до конца этой игры.

— Я поняла, — тихо ответила она, и в этих словах не было покорности. Только горькое принятие реальности, в которой ей приходилось жить.

Кристофер кивнул, будто этого было достаточно.

— Хорошо, — коротко бросил он. — Тогда иди приведи себя в порядок. У нас ещё много работы. И не думай, что сегодняшний день был самым тяжёлым. Он был лишь первым из многих.

Он развернулся и пошёл по коридору, оставляя её стоять в полумраке, где тени казались особенно длинными, а тишина — особенно громкой.

А Элизни стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри всё сжимается от понимания: она больше не могла позволить себе быть слабой. Не могла позволить себе верить, что всё можно исправить. Потому что в этом мире исправле-

ния стоили слишком дорого. И она уже начинала понимать, сколько именно.

Поздним вечером замок будто выдохнул: шаги слуг стали тише, факелы горели лениво, почти сонно, а тени, которые днём казались хищными, теперь просто стелились по полу, как усталые звери. Элизни шла по коридору, сама не зная, куда именно, будто её тянуло туда, где ещё теплилась жизнь, где кто-то не спал, не прятался, не притворялся равнодушным.

Она нашла Кристофера в малой гостиной — не в парадной, где всё блестело и давило величием, а в той, что пряталась за поворотом, с низкими потолками и тяжёлыми шторами, которые почти не пропускали уличный свет. Он сидел на краю низкого кресла, сбросив плащ и камзол, и в свете одинокой свечи его плечи и спина казались высеченными из камня — жёсткие, угловатые, без намёка на мягкость. Но на левом плече темнело пятно: рана, которую он получил в каменоломне, успела подсохнуть, но не зажила. Он как раз пытался стянуть края, неловко орудуя бинтом, и каждый его жест был резким, будто он злился на собственное тело за то, что оно смеет болеть.

Элизни замерла на пороге, не желая мешать, но и не в силах просто уйти. Она видела, как он стискивает зубы, когда

ткань задевает рану, как в его движениях проступает не привычная холодная уверенность, а упрямое, почти злое желание справиться самому — потому что просить о помощи для него было равносильно признанию слабости.

— Позволь мне, — тихо сказала она, шагнув внутрь. Голос прозвучал неожиданно мягко, будто сам коридор приглушил в нём всю прежнюю колкость. — Ты так затянешь, что потом не сможешь поднять руку.

Кристофер вскинул голову, и на мгновение в его взгляде мелькнуло раздражение — будто она нарушила негласный закон, по которому он имел право быть неуязвимым. Но раздражение тут же погасло, уступив место той самой усталости, которую он так старательно прятал.

— Не надо, — коротко бросил он, снова дёргая бинт. — Я справлюсь.

— Ты не справляешься, — спокойно возразила Элизни, подходя ближе и не спрашивая разрешения. — Ты делаешь только хуже.

Он хотел что-то сказать — наверное, снова жёсткое, циничное, чтобы выставить её за дверь. Но вместо этого просто замер, будто понял: спорить сейчас — значит тратить силы, которых и так почти не осталось.

Элизни осторожно взяла из его пальцев бинт и отложила его в сторону. Потом достала из кармана небольшой пузырёк — она всегда носила с собой немного целебного настоя, который когда-то научила делать бабушка: не магия, а про-

стая, земная помощь, которая иногда спасала лучше любых заклинаний. Смочив чистую ткань, она легонько коснулась края раны.

Кристофер дёрнулся, но не отшатнулся. Только стиснул кулаки, вдавливая ногти в ладони, чтобы не выдать, как сильно это жжёт.

— Прости, — тихо пробормотала Элизни, хотя знала, что он не любит извинений. — Будет щипать.

Он не ответил. Просто смотрел вперёд, в одну точку, будто пытался удержать перед глазами какой-то далёкий, спокойный горизонт, который не имел ничего общего с этой комнатой, этой болью и этой девушкой, которая сейчас была слишком близко.

А Элизни вдруг поймала себя на странной, неуместной мысли: кожа у него была не грубой, как она ожидала, не жёсткой от шрамов и ветра, а неожиданно нежной, почти бархатной на тех участках, где не было царапин и рубцов. Это ощущение поразило её, будто она наткнулась на что-то, что не должно было существовать рядом с его ледяной решимостью. Она старалась не думать об этом, сосредоточиться на ране, на том, как правильно стянуть края, как не занести инфекцию, как сделать так, чтобы завтра он снова мог держать клинок. Но пальцы всё равно будто сами замечали эту мягкость, и от этого становилось неловко, будто она подсмотрела что-то слишком личное.

— Ты странно молчишь, — хрипло произнёс Кристофер,

когда она начала аккуратно накладывать повязку. — Обычно ты не упускаешь случая сказать, что я делаю всё не так.

— Сегодня не до колкостей, — так же тихо ответила она, завязывая узел. — Сегодня ты просто человек, который поранился.

Он чуть склонил голову, будто примерял к себе эти слова, и они ему не очень подходили.

— Я не «просто человек», — цинично усмехнулся он, но усмешка вышла слабой, без прежней язвительности. — Я тот, кто должен держать всё под контролем. Даже собственное тело.

— Иногда тело не слушается приказов, — спокойно заметила Элизни, отступая на шаг и оценивая, насколько ровно легла повязка. — Даже у самых сильных.

Кристофер наконец посмотрел на неё. В его взгляде не было благодарности — он не умел её показывать. Но в нём было что-то новое: не раздражение, не приказ, а почти человеческое признание того, что сейчас он был ей обязан.

— Спасибо, — коротко процедил он, будто эти два слова были тяжёлыми, как камни. — Но не привыкай ко мне помогать. Завтра я снова буду тем, кто отдаёт приказы.

— Знаю, — кивнула Элизни, пряча руки в рукава, чтобы он не заметил, как они чуть дрожат. — И я буду той, кто их выполняет. Или спорит с ними. Как обычно.

На его губах мелькнула тень усмешки — на этот раз почти настоящей, без яда.

— Хорошо, — тихо произнёс он, надевая рубашку, но не застёгивая её до конца. — Пусть будет как обычно. Мне... привычнее.

Элизни хотела уйти, оставить его одного, чтобы он мог снова стать тем самым Кристофером — холодным, безжалостным, неуязвимым. Но ноги будто приросли к полу.

— А если бы ты мог не быть им? — вдруг спросила она, сама не понимая, откуда взялись эти слова. — Если бы можно было просто... не охотиться, не ловить, не решать, кто достоин жить, а кто нет. Ты бы выбрал это?

Кристофер замер, будто вопрос ударил его сильнее, чем любой каменный шип в каменоломне. Он не спешил отвечать. Не потому что не знал, а потому что ответ был слишком неудобным.

— Если бы я мог не быть тем, кто я есть, — наконец ровно произнёс он, — я бы не сидел здесь с раной на плече. Но я здесь. И я такой, какой нужен этому городу. Даже если он меня за это ненавидит. Даже если ты меня за это ненавидишь.

— Я тебя не ненавижу, — тихо ответила Элизни. И это было правдой. Она злилась на него, спорила с ним, хотела, чтобы он хоть раз позволил себе быть не железным, а живым. Но ненависти в ней не было. Только горькое понимание, что они оба застряли в этой роли, из которой не было выхода.

Кристофер чуть склонил голову, принимая и это тоже.

— Тогда просто не смотри на меня так, будто ждёшь, что я сломаюсь, — спокойно сказал он. — Я не сломаюсь. Но

если будешь ждать этого слишком долго, устанешь.

— Я не жду, — прошептала она. — Просто иногда хочется верить, что под всей этой бронёй есть кто-то... обычный. Кто тоже боится, тоже устаёт, тоже хочет, чтобы всё это закончилось.

— Есть, — неожиданно признался он, и эти слова прозвучали как самая большая уступка, на которую он был способен. — Но он не может выйти на свет. Потому что тогда город останется без щита.

В комнате повисла тишина, мягкая и непривычная, будто сама гостинная решила дать им эту минуту, чтобы просто быть не охотником и помощницей, а двумя уставшими людьми.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала Элизни, делая шаг к двери. — Рана не заживёт от того, что ты будешь сидеть и смотреть в одну точку.

— Я отдохну, — кивнул Кристофер. — Когда пойму, что сегодня мы не сделали ничего, за что завтра придётся расплачиваться.

Она не стала спорить. Просто кивнула и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. А в коридоре остановилась, прислонившись спиной к холодной стене, и глубоко вдохнула, пытаясь вернуть себе привычную ясность мыслей.

И где-то в глубине души она понимала: сегодня она увидела не слабость Кристофера. Она увидела, что он тоже человек. И от этого стало не легче. От этого стало только страш-

нее — потому что теперь она знала: если он сломается, рухнет всё.

Утро выдалось серым и злым — будто небо копило раздражение всю ночь, чтобы вылить его на город первым дождём. Капли били по крышам, стекали по карнизам, превращали брусчатку в скользкое зеркало, в котором отражались не дома, а бесконечные тени. Элизни стояла у ворот замка, кутаясь в плащ, и смотрела, как Кристофер застёгивает ремни доспеха с той же холодной сосредоточенностью, с какой он отдавал приказы. Плечо под тканью перевязи ныло — она видела, как он едва заметно морщится, когда двигает рукой, но ни слова жалобы не сорвалось с его губ.

Томас стоял чуть поодаль, прислонившись к каменной колонне. Он не надевал доспехов — ему они были не нужны. Его оружием была сама земля, и сейчас он будто прислушивался к ней, к тому, как вода пробирается в трещины, как камень впитывает влагу, как город шепчет о том, что где-то рядом зреет нечто тёмное.

— Маг крови, — тихо произнёс Томас, не глядя на Кристофера. — Он не прячется. Он оставляет следы. И эти следы... они не просто метки. Это приглашение.

Кристофер коротко кивнул, будто уже знал это и не ждал ничего другого.

— Значит, идём по следам, — ровно сказал он. — И не теряем времени.

Элизни хотела было напомнить про рану, про то, что плечо ещё не зажило, что один неверный рывок может снова открыть рану. Но она знала: если она скажет это вслух, Кристофер только усмехнётся цинично и бросит что-то вроде: «Рана — это не повод прятаться». Поэтому она промолчала. Вместо этого она проверила застёжки своего плаща, поправила перчатки и посмотрела на Томаса.

— Что ты чувствуешь? — тихо спросила она. — Город... он будто дрожит.

Томас чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к чему-то глубже.

— Камень помнит кровь, — спокойно ответил он. — Особенно если её проливают не в бою, а ради самой боли. Здесь, в старых кварталах, стены впитали столько ужаса, что даже земля стала... чувствительной. Маг крови питается этим. Он не просто убивает. Он собирает чужую боль, как коллекцию.

Кристофер резко двинулся вперёд, не дожидаясь, пока они закончат разговор.

— Тогда не стоим, — бросил он через плечо. — Чем дольше он собирает свою коллекцию, тем тяжелее будет её разорвать.

Они шли по узким улочкам, где дома нависали над мостовой, как хищники над добычей. Дождь смывал пыль, но не мог смыть запах — тяжёлый, металлический, который висел

в воздухе, будто сам город истекал кровью. Элизни шла рядом с Кристофером, стараясь не смотреть на его плечо, но каждый его шаг, каждый поворот головы заставлял её внутренне сжиматься. Она знала: он не остановится. Не ради боли. Не ради слабости. Ради того, чтобы не дать магу крови забрать ещё одну жизнь.

На углу одной из улиц они нашли первый след.

Это не было просто пятно. Это была картина, выписанная кровью на стене: странные, ломанные линии, которые складывались в символы, не похожие ни на руны, ни на буквы. Кровь ещё не засохла — она блестела, как чёрная смола, и казалось, что линии чуть шевелятся, будто рисунок был живым.

Томас подошёл ближе, но не касался стены. Он просто стоял и смотрел, и по его лицу было видно, как ему неприятно то, что он чувствует.

— Он здесь был недавно, — тихо произнёс он. — И он не один. С ним... что-то ещё. Что-то, что питается смертью.

Кристофер прищурился, изучая символы.

— Это не магия для боя, — процедил он. — Это магия для страха. Он хочет, чтобы люди видели это. Чтобы они знали: он рядом. Чтобы они ждали.

— И они ждут, — глухо добавил Томас. — В этих домах сейчас тишина. Не спокойная. А та, которая бывает перед криком.

Где-то впереди раздался короткий, резкий звук — не

крик, не стон, а что-то среднее, будто кто-то пытался закричать, но у него не хватило сил. Звук оборвался так же внезапно, как и начался.

Кристофер рванулся вперёд, не думая, не взвешивая rischi. Он двигался так, будто боль в плече была не врагом, а союзником — она напоминала ему, что он жив, что у него есть причина спешить. Элизни бросилась за ним, а Томас шёл следом, и с каждым его шагом земля под ногами чуть вздрагивала, будто откликалась на его шаги.

Они свернули в узкий переулок, который заканчивался тупиком. В центре тупика стоял человек в тёмном плаще, и вокруг него воздух будто сгушался, становился тяжелее. Это и был маг крови. Рядом с ним, прижавшись к стене, сидела женщина — её глаза были широко раскрыты, а на губах застыла капля крови. Она не кричала. Она просто смотрела вперёд, будто видела что-то, чего больше никто не мог увидеть.

Маг медленно поднял голову, и на его лице появилась улыбка — не злая, не торжествующая, а какая-то усталая, будто он давно ждал этой встречи.

— А, — тихо произнёс он, будто говорил сам с собой. — Охотники. Как предсказуемо.

Кристофер остановился, но не отступил. Он стоял прямо, будто каждое движение должно было быть выверенным, как удар клинка.

— Отпусти её, — ровно произнёс он, и в его голосе не

было угрозы. Только холодная констатация факта: если маг не отпустит женщину, он пожалеет.

Маг чуть склонил голову, будто оценивал серьёзность этих слов.

— Зачем? — спокойно спросил он. — Она уже часть узора. Её страх... он такой чистый. Такой настоящий.

Томас сделал шаг вперёд, и земля под его ногами дрогнула.

— Узор можно разорвать, — тихо произнёс он. — Даже самый сложный.

Маг рассмеялся — не громко, но звук этот ударил по нервам, как ледяной дождь по обнажённой коже.

— Ты думаешь, что камень сильнее крови? — спокойно спросил он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. — Ты не понимаешь. Кровь — это язык, на котором говорит сама жизнь. И я научился его читать.

В этот момент женщина вдруг дёрнулась и упала вперёд, будто невидимая нить, которая держала её, оборвалась. Маг не посмотрел на неё. Он вообще не проявлял к ней интереса — она была для него не человеком, а инструментом, деталью узора.

— Теперь ты видел, — тихо произнёс маг, глядя на Кристофера. — Теперь ты знаешь: я не играю. Я строю. И мой узор будет завершён.

Кристофер не стал ждать. Он рванулся вперёд, выхватывая клинок, и в этот момент мир будто замер на долю секун-

ды — а потом взорвался движением.

Маг взмахнул рукой, и воздух перед ним потемнел, будто сама тень стала жидкой. Из этой тьмы вырвались тонкие, острые нити — не из металла, не из камня, а будто из самой темноты, пропитанной кровью. Они летели к Кристоферу, целясь в незащищённые места, в шею, в грудь, в лицо.

Кристофер отбил первую нить клинком, но вторая скользнула мимо, царапнув его по плечу — по той самой ране, которая ещё не успела зажить. Он стиснул зубы, но не остановился. Он знал: если он позволит себе почувствовать боль, он проиграет.

Элизни вскинула руки, и из трещин в мостовой вырвалась вода, но не потоком, а сотней тонких струй, которые тут же застывали в ледяные иглы. Она швырнула их вперёд, и они ударили по тёмным нитям, разбивая их на осколки, которые таяли в воздухе, не успевая коснуться земли.

Томас опустил ладони на камень, и переулок содрогнулся. Из земли вырвались каменные шипы, но не в сторону мага, а вокруг него, образуя круг, который сжимался, отрезая ему путь к отступлению.

Маг снова рассмеялся, но на этот раз в его смехе не было спокойствия.

— Вы думаете, что можете меня остановить? — тихо произнёс он. — Вы не понимаете. Я не держусь за жизнь. Я держусь за узор. И пока он не завершён, я не умру.

Он резко взмахнул обеими руками, и тени вокруг него

сгустились, превращаясь в фигуры — не людей, не зверей, а что-то среднее, с глазами, полными тьмы, и руками, похожими на лезвия. Эти существа рванулись вперёд, не издавая ни звука, но от их движения воздух становился тяжёлым, будто сам мир пытался вдохнуть и не мог.

Кристофер встретил первую тень клинком, и металл прошёл сквозь неё, будто сквозь дым, но дым этот обжёг лезвие, и руны на нём вспыхнули и погасли, как задутые свечи.

— Проклятие, — процедил он, отступая на шаг. — Это не магия. Это... извращение.

Элизни метнулась вперёд, пытаясь создать ледяной щит, но тени проходили сквозь него, не замедляясь.

— Они питаются холодом! — выкрикнула она. — Они становятся сильнее, когда мы используем магию!

Томас снова ударил по земле, и каменный круг сжался ещё сильнее, но тени просто проходили сквозь камень, будто его не существовало.

— Тогда действуем иначе, — хрипло произнёс Кристофер, и в его голосе прозвучала та самая жёсткость, которая не терпела возражений. — Томас, держи круг. Элизни, не давай им приблизиться к женщине. А я... я разберусь с ним.

Он рванулся вперёд, прямо на мага, не пытаясь уклониться, не пытаясь найти слабое место. Он просто шёл вперёд, будто знал: единственный способ победить то, что питается страхом, — не бояться.

Маг поднял руку, и тень перед ним сгустилась, превраща-

ясь в клинок из тьмы. Он замахнулся, и в этот момент Кристофер сделал то, чего никто не ожидал.

Он не стал отбивать удар. Он шагнул вперёд, сокращая дистанцию, и ударил мага рукоятью клинка прямо в лицо. Удар был жёстким, безжалостным, и маг пошатнулся, будто не ожидал, что кто-то посмеет подойти так близко.

— Ты не бог, — тихо произнёс Кристофер, нависая над ним. — Ты просто человек, который слишком долго играл с огнём.

Маг схватился за лицо, и из его пальцев потекла кровь — настоящая, красная, не чёрная, не тёмная. И в этот момент тени вокруг него замерли, будто потеряли связь с хозяином.

— Нет, — прошептал маг, и в этом «нет» прозвучала не угроза, а паника. — Не может быть...

Кристофер ударил снова, на этот раз по руке, выбивая из неё силу, и маг рухнул на колени, тяжело дыша.

Томас шагнул вперёд и положил ладонь на его плечо. Камень под ними дрогнул, и маг вдруг обмяк, будто вся его сила ушла в землю, растворяясь в ней, как дым в воде.

— Готово, — тихо произнёс Томас. — Он больше не опасен. Пока.

Элизни бросилась к женщине, проверяя её пульс. Женщина была жива, но её глаза всё ещё были полны ужаса, будто она продолжала видеть тот узор, который маг пытался нарисовать.

Кристофер стоял над магом, тяжело дыша, и смотрел на

него так, будто пытался понять, как человек мог дойти до такого.

— Почему? — тихо спросил он, и в этом вопросе не было ни гнева, ни презрения. Только усталость человека, который слишком часто видел, как добро превращается во зло.

Маг поднял голову, и в его глазах не было ни раскаяния, ни гордости. Только пустота.

— Потому что я хотел, чтобы меня запомнили, — спокойно произнёс он. — А в этом городе помнят только тех, кто оставляет шрамы.

Кристофер чуть склонил голову, будто принимая и эту правду тоже.

— Тебя запомнят, — ровно ответил он. — Но не как героя. Как угрозу, которую пришлось устранить.

Он повернулся к Элизни и Томасу, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на благодарность. Но он не сказал ни слова. Просто кивнул, будто этого было достаточно.

— Возвращаемся, — коротко бросил он. — У нас ещё много работы. И... спасибо.

Эти два слова прозвучали так непривычно, что Элизни на мгновение замерла. Но потом просто кивнула, пряча улыбку, которая сама собой появилась на губах.

А Кристофер шёл вперёд, и плечо его ныло, и кровь проступала сквозь повязку, но он не останавливался. Потому что знал: пока он идёт, город может спать чуть спокойнее. И это-

го было достаточно.

4 глава

Дорога к замку шла через старый каменный мост — его арки давно потрескались, а перила местами обвалились, будто сам мост устал держать на себе тяжесть веков. Дождь почти стих, но воздух остался тяжёлым, пропитанным влагой и электричеством, и от этого каждый вдох отдавался в груди колючим холодом. Кристофер шёл впереди, не сбавляя шага, будто хотел доказать и себе, и всем остальным, что рана — не повод плестись, как старик. Его плащ потемнел от дождя, а на плече сквозь ткань проступало тёмное пятно: повязка намокла, и кровь снова сочилась, но он не позволял себе даже поморщиться.

Элизни держалась чуть позади, насторожённо вглядываясь в сумрак между домами. Ей казалось, что тишина стала слишком плотной — не естественной, а будто специально натянутой, как струна перед ударом. Томас шёл последним, и его шаги были почти бесшумными. Он не смотрел по сторонам — он смотрел вниз, на камень, будто пытался прочесть в нём то, чего не мог увидеть глазами.

— Здесь что-то не так, — тихо произнёс он, не поднимая головы. — Земля... она дрожит не от дождя. Она дрожит от напряжения. Как перед грозой. Только гроза эта — не в небе.

Кристофер резко остановился и поднял руку, приказывая остальным замереть. Он втянул воздух, будто пытался уню-

хоть опасность, как зверь. И в тот же миг небо над мостом раскололось.

Не гром ударил первым — нет. Сначала вспыхнула молния. Она не ударила в землю, не расколола столб или дерево. Она ударила из ниоткуда прямо в перила моста, превратив ржавое железо в ослепительную дугу, которая на секунду выжгла из мира все остальные краски. Воздух зашипел, пах озоном и гарью, и по коже побежали ледяные мурашки, будто само пространство предупреждало: «Беги».

А потом из сумрака вышел маг.

Он стоял на середине моста, раскинув руки, будто обнимал саму бурю. Его волосы вздымались от статического электричества, а глаза светились холодным голубым огнём — не от магии, а от того, что магия стала частью его. В каждом его движении чувствовалась неестественная лёгкость, как у человека, который давно перестал бояться упасть.

— Далеко же вы забрались, — спокойно произнёс маг, и его голос прозвучал не из горла, а будто из самого воздуха, вибрируя на той же частоте, что и приближающиеся разряды. — Я думал, охотники не любят мокнуть.

Кристофер не стал отвечать. Он просто выхватил клинок, и руны на лезвии вспыхнули тусклым светом — не от его силы, а от напряжения в воздухе, которое искажало любую магию.

— Держитесь позади, — коротко бросил он, не оборачиваясь. — Этот не будет играть в загадки.

Маг усмехнулся — без веселья, просто как человек, который знает, что сейчас произойдёт, и ему это даже немного скучно.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь диктовать условия? — тихо спросил он, и в этот момент небо над ним снова раскололось. Но на этот раз молния не ударила вниз. Она сорвалась с его пальцев — тонкие, живые нити электричества, которые метнулись вперёд, шипя и искря, как разъярённые змеи.

Первая нить ударила в камень у ног Кристофера, и тот взорвался осколками. Вторая прошла в волоске от его плеча, опалив ткань плаща и оставив в воздухе запах горелого. Кристофер рванулся в сторону, уходя с линии атаки, но его движение было чуть медленнее, чем раньше — рана давала о себе знать, и каждый рывок отзывался в плече острой, спящей болью.

Элизни вскинула руки, пытаясь создать ледяной щит, но электричество ударило по нему раньше, чем лёд успел схватиться. Щит рассыпался тысячей искр, а её отбросило назад волной горячего воздуха. Она упала на колено, но тут же поднялась, стирая с лица капли дождя и крови — царапина на щеке жгла, но не так сильно, как понимание: их магия здесь не работает как надо.

Томас не стал ждать. Он опустил ладони на камень моста, и в тот же миг земля под ногами мага дрогнула. Из трещин вырвались каменные шипы, пытаясь схватить мага, прижать

его к земле, лишить опоры. Но маг даже не посмотрел на них. Он просто щёлкнул пальцами — и шипы взорвались, разлетевшись в пыль от удара молнии, которая прошла сквозь них, будто они были не камнем, а сухой соломой.

— Камень против молнии — это мило, — цинично усмехнулся маг. — Но ты забываешь: я не просто управляю грозой. Я — её голос.

Он поднял руку, и над мостом сгустилось тёмное облако, которого минуту назад не было. Воздух стал густым, почти вязким, и дышать стало тяжело, будто лёгкие наполнялись не воздухом, а жидким свинцом.

— Кристофер! — выкрикнула Элизни, видя, как маг собирает силу для следующего удара. — Он сейчас ударит по площади! Мы не успеем уйти!

Кристофер стиснул рукоять клинка, костяшки побелели. Он знал: если маг выпустит всю эту энергию разом, от них останутся только тени на камне.

— Томас, — хрипло бросил он, не сводя глаз с мага. — Не дай ему собрать разряд. Любой ценой.

Томас кивнул, и на этот раз он не стал поднимать камень. Он ушёл глубже. Его пальцы вжались в трещины, и он словно слился с мостом, став его нервом, его памятью. Земля застонала, и мост начал проседать, изгибаясь, будто живое существо, которому больно.

Маг на мгновение замер, будто почувствовал, что земля под ним больше не послушна. Его глаза сузились, и он рез-

ко опустил руку, выпуская накопленный разряд не вперёд, а вниз — прямо в то место, где стоял. Молния ударила с такой силой, что камень под ним почернел и растрескался, а волна электричества прокатилась по мосту, заставляя металл скрипеть, а камни крошиться.

Томас отлетел назад, ударившись спиной о перила. Он попытался удержаться, но перила не выдержали и рухнули, увлекая его за собой в тёмную воду под мостом.

— Томас! — выкрикнула Элизни, но её голос утонул в новом раскате грома.

Кристофер рванулся вперёд, не думая, не взвешивая шансы. Он прыгнул через трещину в камне, приземлился на дрожащую плиту и ударил клинком не по магу, а по воздуху рядом с ним — туда, где сходились линии силы, где молния собиралась в единый смертельный удар. Руны на клинке вспыхнули и погасли, поглощённые бурей, но сам удар сбил концентрацию мага. Тот дёрнулся, будто его ударили не металлом, а чем-то более острым — чем-то, что задело не тело, а самую суть его магии.

— Ты не можешь остановить грозу, — процедил маг, тяжело дыша. Его голос уже не звучал спокойно. В нём появилась злость — злость человека, который привык быть неуязвимым и вдруг понял, что кто-то посмел встать у него на пути. — Ты можешь только умереть под ней.

Он снова поднял руку, и небо над ним вспыхнуло, собираясь в один ослепительный разряд, который должен был сжечь

всё на мосту дотла.

И в этот момент из воды под мостом вырвалась каменная колонна. Она взметнулась вверх, пробивая доски и перила, и ударила мага в бок, сбивая его с ног. Маг рухнул на колени, и разряд, который он готовил, ушёл в сторону, ударив в старую башню на берегу и превратив её верхнюю часть в груды дымящихся обломков.

Томас выбрался из воды, мокрый, окровавленный, но живой. Он стоял, опираясь на камень, и смотрел на мага так, будто сам стал частью этой земли, её гневом.

— Я не люблю молнии, — тихо произнёс он. — Они слишком громкие.

Кристофер сделал ещё один шаг вперёд, и клинок в его руке дрожал не от страха, а от напряжения, которое висело в воздухе.

— Вставай, — ровно произнёс он, глядя на мага. — Или я заставлю тебя встать.

Маг поднял голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или на признание того, что сегодня удача отвернулась от него.

— Думаешь, ты победил? — хрипло спросил он. — Думаешь, если свяжешь меня, буря утихнет? Она просто найдёт другого проводника. Всегда находит.

Кристофер не ответил. Он просто ждал. Ждал, когда маг сделает хоть одно лишнее движение, чтобы закончить это одним ударом.

Но маг не двигался. Он просто сидел на коленях, и дождь смывал с его лица копоть и кровь, а над мостом повисла тишина — тяжёлая, звенящая, будто сама буря затаила дыхание, решая, стоит ли возвращаться.

Элизни рванулась было вперёд, к Томасу, хотела помочь ему подняться, удержать, хоть как-то прикрыть от новой вспышки. Но маг молний, всё ещё сидя на коленях, хрипло рассмеялся — и этот смех прозвучал не как проявление силы, а как издёвка, пропитанная ядом.

— Стой, девочка, — процедил он, и в воздухе снова затрещало напряжение. — Вода — отличный проводник. Ты сейчас сама станешь молнией. И тогда я не стану тратить силы, чтобы тебя убивать. Ты сделаешь это за меня.

Элизни замерла, пальцы похолодели, а по спине пробежал ледяной озноб. Она посмотрела на свои мокрые руки, на капли, стекающие с плаща, и поняла: он прав. Любая её магия воды сейчас станет не щитом, а смертельной ловушкой.

Томас, тяжело дыша, приподнялся на локте, его взгляд метнулся к Кристоферу — будто он искал в нём хоть какую-то опору, хоть намёк на то, что у них ещё есть шанс. Но Кристофер не смотрел ни на него, ни на Элизни. Он смотрел только на мага молний. И в его глазах не было ни страха, ни сомнений. Только холодная, беспощадная ясность человека,

который понял: сейчас нельзя играть по правилам, нельзя рассчитывать на руны, нельзя надеяться на то, что враг устанет первым.

Руны на его клинке давно погасли, поглощённые электрическим напряжением, висевшим в воздухе. Кристофер медленно разжал пальцы, отпуская рукоять, и клинок с глухим стуком упал на треснувший камень. Он не нуждался в нём сейчас.

И тогда он поднял руки.

Не для того, чтобы защититься. Не для того, чтобы ударить привычно, по-охотничьи. Он поднял их так, будто принимал на себя весь этот хаос — дождь, грозу, треск электричества, дрожь земли, самую неукротимую, дикую силу, которая не подчинялась ни законам, ни рунам, ни даже самой природе.

Воздух вокруг него дрогнул. Не от ветра — от того, что сама ткань реальности чуть надорвалась. Руны, которые всегда сдерживали его магию, рассыпались, как истлевшие нити, и из-под них вырвалось то, что Кристофер столько лет прятал, подавлял, запирал под замками дисциплины и приказов Сената.

Это была не магия порядка. Не магия камня или воды. Это был хаос — сырой, необузданный, живой. Он клубился вокруг Кристофера, как чёрный туман, искрящийся фиолетовыми вспышками, и даже дождь, падая в эту зону, испарялся с шипением, не успевая коснуться земли.

Элизни и Томас застыли, будто их пригвоздило к месту не страхом, а самим масштабом того, что они увидели. До этого момента они знали Кристофера как холодного, расчётливого охотника, который полагался на руны, тактику и дисциплину. Они не знали, что под этой бронёй живёт буря, способная поглотить саму грозу.

Маг молний медленно поднялся на ноги, его глаза расширились, и в них впервые мелькнул настоящий, неподдельный страх — не перед клинком, не перед камнем, а перед чем-то, что он не мог ни понять, ни контролировать.

— Ты... — выдохнул он, будто слова застряли у него в горле. — Ты не можешь... это невозможно...

Кристофер не ответил. Он просто шагнул вперёд, и с каждым его шагом хаос вокруг него разрастался, пожирая электрические разряды, которые маг пытался собрать для новой атаки. Молнии, летящие к нему, не ударяли — они растворялись в этом чёрном тумане, как капли дождя в огне.

Маг попытался ударить всем, что у него осталось, — выпустил разряд прямо в грудь Кристоферу, вложив в него всю свою силу, всю ярость, всю надежду на то, что хоть что-то сможет пробить эту тьму.

Но разряд не долетел. Он врезался в стену хаоса и взорвался, разлетевшись тысячей мелких искр, которые тут же погасли. А Кристофер продолжал идти.

— Нет, — прошептал маг, отступая, но отступать было некуда. За его спиной был только обрыв и тёмная вода. —

Кто ты такой?

— Тот, кто заканчивает охоту, — ровно произнёс Кристофер. Его голос звучал странно — не своим, а будто сквозь него говорил сам хаос, придавая словам тяжесть, которую невозможно было игнорировать.

Он выбросил руку вперёд, и из неё вырвался не луч, не клинок, не волна — а сама суть разрушения. Это была не направленная атака, а разрыв пространства, мгновенный, безжалостный, сметающий всё на своём пути.

Мир на долю секунды замер, будто время споткнулось. А потом маг молний исчез — не рассыпался пеплом, не взорвался, а просто перестал существовать как единая форма. Его сила, его гроза, его самодовольство — всё было поглощено, стёрто, растворено в том хаосе, который Кристофер выпустил на свободу.

Тишина обрушилась на мост внезапно, как тяжёлое одеяло. Дождь продолжал падать, но теперь он звучал не как угроза, а как обычный, скучный шум. Молнии больше не рвали небо. Буря утихла — не потому что закончилась сама по себе, а потому что её источник был уничтожен.

Кристофер опустил руку. Его плечи вздымались от тяжёлого дыхания, а на лице выступили капли пота, смешанные с дождём. Он выглядел так, будто только что поднял на себе весь этот мост.

Элизни медленно подняла глаза, её пальцы всё ещё были сжаты в кулаки, а в груди билось сердце так сильно, что ка-

залось, оно хочет вырваться наружу. Она смотрела на Кристофера так, будто видела его впервые.

— Я не знала... — тихо прошептала она, голос дрожал.
— Я не знала, что ты настолько силён...

Томас медленно поднялся, опираясь на камень, и посмотрел на Кристофера с таким выражением, в котором смешались шок, уважение и... страх. Не страх перед ним, а страх перед той силой, которую Кристофер только что выпустил.

— Ты всё это время сдерживался, — хрипло произнёс Томас. — Все эти руны... они не усиливали тебя. Они... они сдерживали.

Кристофер кивнул, не пытаясь ничего объяснить, не пытаясь оправдаться. Он просто принял это как факт.

— Да, — коротко бросил он. — Хаос нельзя контролировать. Его можно только держать на цепи. И я держал. До тех пор, пока не понял, что сегодня эта цепь могла стоять нам жизни.

Он наклонился и подобрал свой клинок, будто возвращая на место привычную опору, которая теперь казалась почти игрушечной по сравнению с тем, что он только что сделал.

— Нам нужно уходить, — тихо произнёс он, голос звучал устало, будто сама магия высосала из него последние силы.
— Пока... пока я могу держать это под контролем.

Элизни хотела что-то сказать, хотела спросить, как он вообще живёт с такой силой, как выдерживает этот постоянный внутренний шторм. Но слова застряли в горле. Вместо

этого она просто кивнула и шагнула к нему, готовая идти рядом, готовая прикрывать спину — не потому что он приказал, а потому что теперь она понимала: даже у самых сильных есть свои пределы. И сегодня Кристофер подошёл к своему вплотную.

Они двинулись прочь с моста, оставляя за спиной дымящиеся камни, разбитую башню и тишину, которая теперь казалась не пустой, а наполненной чем-то тяжёлым — пониманием того, что мир стал чуть опаснее, а их союз — чуть крепче. И что впереди их ждёт ещё немало испытаний, где одной дисциплины будет недостаточно.

Дорога к замку теперь казалась бесконечной. Дождь перестал, но мокрая брусчатка скользила под ногами, а воздух был тяжёлым, будто сам город не хотел отпускать их после всего, что случилось на мосту. Кристофер шёл, пока мог, — шаг за шагом, упрямо, стискивая зубы, чтобы не выдать, как земля уходит из-под ног. Но с каждым шагом его движения становились всё более рваными, дыхание — прерывистым, а взгляд будто терял фокус.

Когда он споткнулся на очередном неровном камне и едва не рухнул, Элизни оказалась рядом раньше, чем он успел выпрямиться. Она не стала спрашивать «ты в порядке?» — они оба знали, что нет. Вместо этого она просто подхватила

его под локоть, не давая упасть, и в её прикосновении не было ни жалости, ни упрёка — только твёрдое, спокойное «я тебя держу».

— Стой, — тихо, но твёрдо сказала она, усаживая его прямо на мокрый край тротуара, под прикрытием старой арки. — Хватит геройствовать. Ты и так сделал больше, чем любой из нас мог бы.

Кристофер хотел возразить, хотел сказать что-то жёсткое, привычное: «Я не нуждаюсь в поблажках», «нам нельзя терять время». Но слова застряли где-то в горле, потому что сил на цинизм тоже не осталось. Он просто кивнул, тяжело опуская голову, и на мгновение стал не грозным охотником, а просто смертельно уставшим человеком.

Элизни достала из внутреннего кармана маленький стеклянный пузырёк — тот самый настой, который всегда носила с собой. Жидкость внутри была янтарной, густой, пахла травами и чем-то горьким, почти едким.

— Пей, — приказала она, и в этом приказе не было высокомерия — только уверенность, что сейчас именно она знает, что нужно делать.

Кристофер послушно взял пузырёк, поморщился, когда горький вкус ударил по языку, но выпил до конца. Элизни тут же взялась за повязку на его плече: осторожно, но без лишней нежности, разматывая ткань, чтобы оценить, насколько сильно открылась рана. Кровь снова сочилась, тёмная и густая, но теперь в ней не было ничего героического

— только простая, безжалостная физиология: тело кричало о том, что его ресурс исчерпан.

— Прости, будет щипать, — предупредила она, смачивая чистую ткань тем же настоем.

Он только коротко хмыкнул, будто «щипать» — это пустяк по сравнению с тем, что он только что выпустил из себя. Когда ткань коснулась раны, он дёрнулся, но не отшатнулся, не закричал, даже не выругался. Просто сжал кулаки, впинаясь ногтями в ладони, и смотрел куда-то мимо, будто искал в темноте арки точку, на которой можно удержать сознание.

А потом, когда Элизни начала заново накладывать повязку, он вдруг тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Спасибо.

Это слово прозвучало так непривычно, так неловко, будто он не знал, как его носить. Но Элизни не стала делать из этого событие. Она просто кивнула и, закончив, помогла ему подняться.

Но идти он уже не мог. Ноги подкашивались, а плечо горело огнём, который не гасили ни травы, ни воля.

Томас молча подошёл, не спрашивая разрешения, не пытаясь казаться деликатным. Он просто опустился на одно колено и жестом показал: «Садись».

— Я тяжёлый, — хрипло попытался возразить Кристофер.

— А я привык носить тяжесть, — спокойно ответил Томас, и в его голосе не было бравады, только простая, упря-

мая правда. — Камень всегда тяжелее, чем кажется. Так что не спорь.

Кристофер на секунду задержал на нём взгляд, будто пытался понять, откуда в этом человеке столько спокойствия. А потом, сдавшись, позволил себе опереться, а затем и сесть Томасу на спину. Томас выпрямился, чуть качнулся, привыкая к весу, и пошёл вперёд — ровно, уверенно, будто нёс не раненого охотника, а часть самой земли, которую нельзя уронить.

Элизни шла рядом, держа Кристофера за руку, не потому что он мог упасть — Томас бы не дал, — а потому что сейчас ему нужно было чувствовать, что он не один. Что кто-то рядом, кто не ждёт от него приказов, не боится его силы, а просто идёт рядом.

Они двигались медленно, и тишина вокруг была не пустой, а наполненной: звуком шагов, далёким криком ночной птицы, шорохом воды в стоках, тихим дыханием троих людей, которые только что прошли через то, после чего редко остаются прежними.

И в этой тишине между Элизни и Кристофером что-то тихое, осторожно прорастало. Не вспышка, не озарение, а что-то тихое и упрямое, как трава сквозь камень: понимание, что они видят друг друга. Не роли — охотника и помощницы, не функции, а самих себя. И от этого становилось не легче, но... правильнее. Как будто впервые за долгое время они могли позволить себе быть просто людьми, а не оружием друг для

друга.

С Томасом всё было иначе. Между ними не рождалась нежность — она была бы здесь неуместна. Но рождалось что-то не менее ценное: уважение, выкованное в бою, и та особая тишина, которая бывает между людьми, которые знают, что могут положиться друг на друга. Томас не спрашивал Кристофера о его магии, не пытался понять, каково это — носить в себе хаос. Он просто принимал это как факт, как принимают грозу: не спорят, не пытаются приручить, но знают, где искать укрытие и когда держать крепче.

— Ты знал, что он такой? — тихо спросила Элизни у Томаса, когда они свернули на более широкую улицу, где фонари горели чуть ярче.

Томас чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к ритму своих шагов.

— Нет, — честно ответил он. — Но я догадывался, что за рунами прячется что-то большое. Просто не думал, что настолько.

— Страшно? — спросила она, сама не зная, хочет ли услышать «да» или «нет».

Томас помолчал, а потом тихо произнёс:

— Страшно не то, что он силен. Страшно то, что ему приходится быть таким. И что он всё равно идёт вперёд, даже когда знает, что может сломаться.

Кристофер, услышав это, чуть повернул голову, будто хотел что-то сказать, но снова опустил её. И в этом молчании

было больше благодарности, чем в любых словах.

Так они и шли: Томас — как опора, Элизни — как свет, а Кристофер — как тот, кто должен был быть сильнее всех, но сейчас позволил себе быть просто раненым, уставшим и живым.

До замка оставалось ещё несколько улиц, и ночь становилась всё глубже, но теперь они знали: они дойдут. Не потому что у них не было выбора. А потому что теперь у них была не просто цель — у них была команда. И этого было достаточно, чтобы сделать ещё один шаг. И ещё. И ещё, пока впереди не засияли огни замка, обещая не покой, а хотя бы временное укрытие от бури, которая всё ещё жила внутри Кристофера и ждала своего часа.

Томас нёс Кристофера на спине — не потому что тот попросил, а потому что Томас раньше всех понял: если дать Кристоферу держаться на ногах хоть ещё минуту, он сломается не от ран, а от собственной гордости.

Кристофер поначалу упирался — едва слышно, сквозь стиснутые зубы, бросал что-то вроде «Я сам», но это звучало уже не как приказ командира, а как слабая попытка сохранить лицо. Томас только хмыкнул, крепче перехватил его под коленями и упрямо двинулся вперёд, будто нарочно игнорировал любые намёки на статус и субординацию.

— Молчи, — буркнул он, когда Кристофер снова попытался что-то возразить. — Ты у нас главный, я помню. Но прямо сейчас главный тут я — потому что у меня ещё есть силы тебя тащить.

Кристофер хотел выдать какую-нибудь колкость про «нарушение субординации», но вместо этого лишь глухо выдохнул и вцепился пальцами в плащ Томаса. Гордость его скрипела, но он вдруг понял: сопротивляться сейчас — значит тратить силы на пустую борьбу. А сил не было.

Элизни шла рядом, держа факел так, чтобы пламя не слепило, но и не оставляло их в полной темноте. Она не пыталась уговаривать Кристофера, не шептала пустых утешений — знала, что он их не примет. Вместо этого она время от времени коротко кивала Томасу, будто передавая молчаливое: «Ты всё делаешь правильно». И в этом безмолвном союзе между ними рождалось что-то новое: не просто товарищество, а команда, где каждый знал, когда нужно взять на себя тяжесть, а когда — просто быть рядом.

Улицы тянулись бесконечно, будто город нарочно растягивал путь, чтобы испытать их до конца. Томас шагал тяжело, чувствуя, как мышцы спины горят от напряжения, но не замедлялся ни на миг. Его упрямая решимость была сейчас надёжнее любого приказа.

— Ещё немного, — процедил он, скорее себе, чем кому-то ещё. — Держись. Мы почти на месте.

Кристофер, уткнувшись лбом в его плечо, вдруг тихо, по-

что шёпотом, произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.